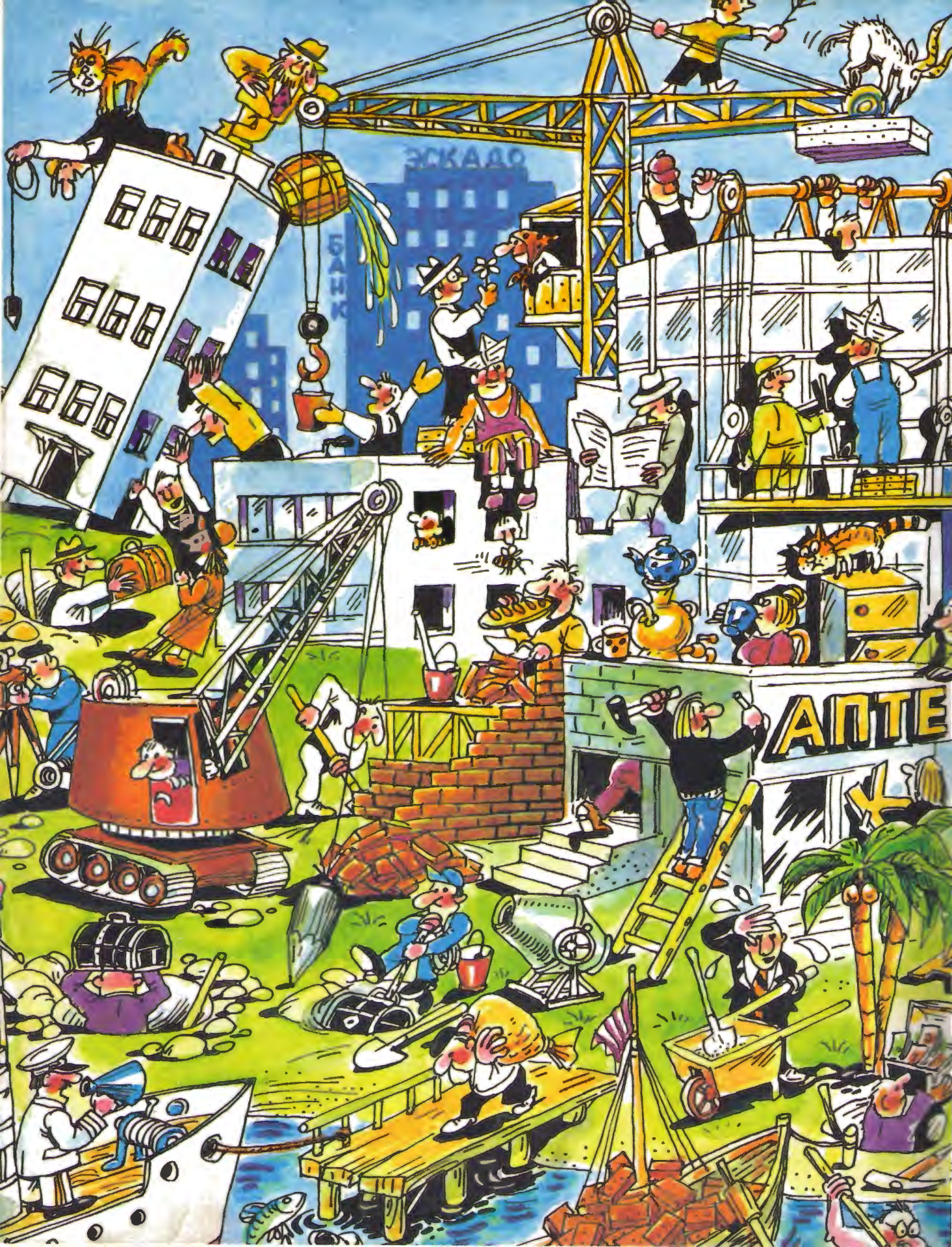
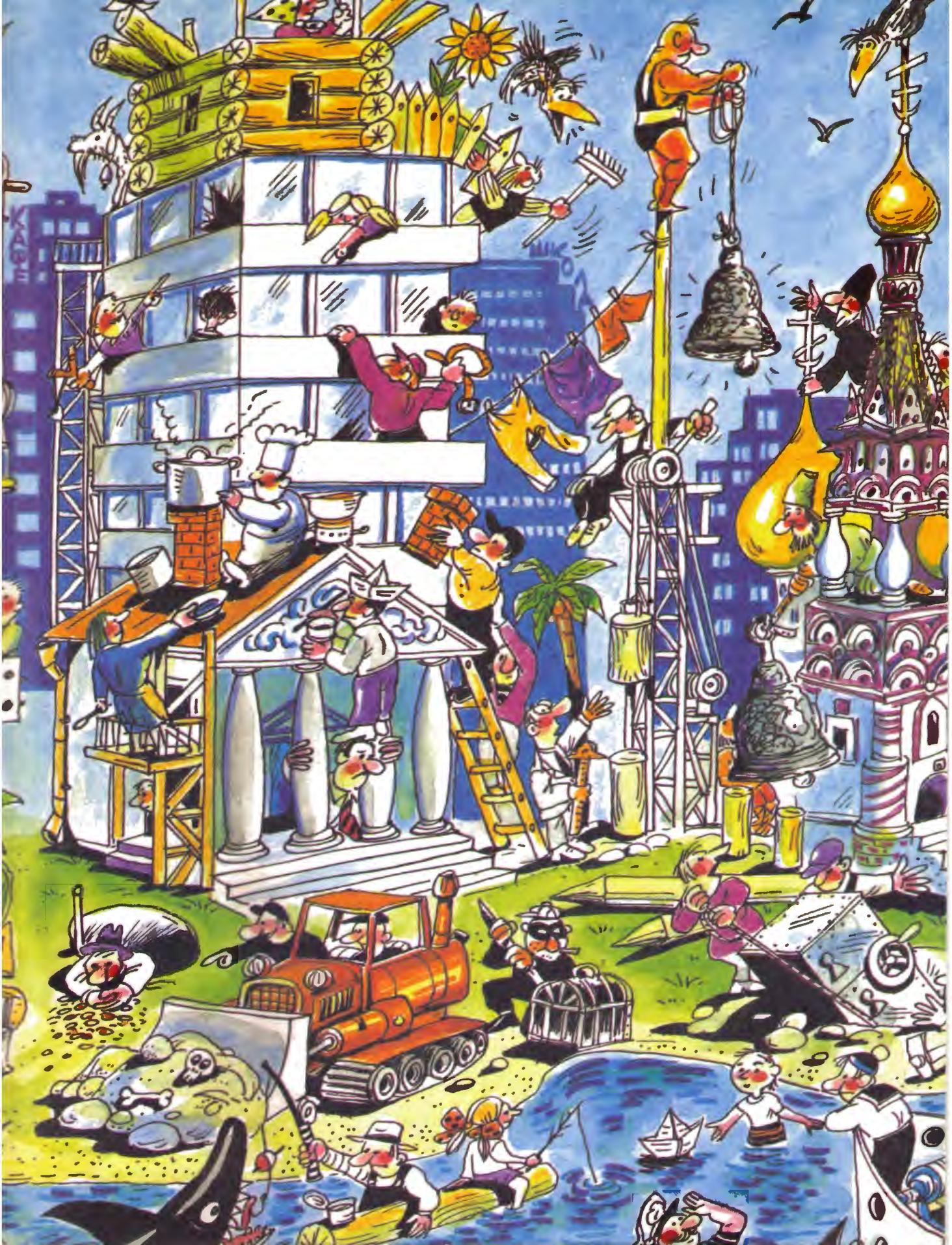

Григорий Остер

ОСТРОВ ЭСКАДО

Григорий Остер
ОСТРОВ ЭСКАДО

ХУДОЖНИК
ЕВГЕНИЙ
МИЛУТКА

Григорий Остер

ОСТРОВ

ЭСКАДО

МОСКВА

РОСМЭН

1994

САМОЕ НАЧАЛО

Дети делятся на мальчиков и девочек. А мальчики и девочки делятся на тех, кто друг с другом делится, и на тех, которые ни с кем ничем не делятся. Потому что, если со всеми делиться, самому мало останется.

Да. Это, к сожалению, так.

Но попробуйте в жаркий день самостоятельно съесть мороженое, когда вокруг стоят и облизываются те, у кого мороженого нет. Не очень-то это приятно. Хотя, с другой стороны, когда у всех есть, а у вас нету, — еще хуже.

В этой книжке написано про разных знакомых, которые собрались на одном острове и стали там вместе жить. Читайте — узнаете, какая чепуха у них из этого получилась. А может, и не совсем чепуха.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Куда пойти плеваться? Как закрываются острова?
Где встречаться с собственным чаем? Что зарыто на кладбище?*

Небольшой участок суши, со всех сторон окруженный не забором, а водой, называется островом.

Если намазать хлеб маслом, позавтракать, а потом шлепать босиком по песку вдоль берега, к обеду явишься на то же место.

Чудеса? Не совсем. Попроси папу вытащить на середину комнаты стол, поставь на край чашку чая и шагай вокруг стола. Очень скоро обойдешь стол, вернешься к чаю с другой стороны. То же самое случится с тобой, когда пойдешь гулять по берегу острова Эскадо: обойдешь вокруг острова.

Когда-то давно остров Эскадо открыл Робинзон. Потерпел кораблекрушение, приплыл на дощечке и сразу же поставил на берегу табличку: «ОТКРЫТО». Потом Робинзона подобрал попутный корабль, увез домой. А остров остался открыт.

Дикие пираты — они плавали в этих местах: грабили кого попало — обрадовались, стали закапывать на острове Эскадо свои клады. В укромных местах. Зарывали, зарывали, зарывали, пока ни одного свободного укромного места не осталось. Тогда пираты написали на Робинзоновой табличке: «ЗАКРЫТО», — и уплыли в далекие края. Долгие годы на остров не ступала нога человека. Зачем же ступать — ясно написано: «Закрыто».

Но однажды к острову подошла лодка. В ней сидели: мама в очках, папа с бородой и крупная девочка с худенькой кошкой.

— Поворачиваем, — сказала мама. — Тут закрыто.

— Ошибаешься, — возразил папа. — Не закрыто. Зарыто.

Дождевые капли вместе с морскими брызгами долгие годы шлепались на пиратскую табличку и понемножку смыли с нее букву «К». Вместо «ЗАКРЫТО» получилось «ЗАРЫТО».

Первой на берег выпрыгнула худенькая кошка, за ней — вся остальная семья. Семья приплыла издалека. Она, как когда-то Робинзон, тоже потерпела крушение. Но не корабельное, другое.

Сначала папу уволили с работы.

— Работы, — сказали папе, — больше нет. До свидания.

— Как нет? — почесал бороду папа. — Я еще вот этот пулемет не доделал. И ту пушку тоже. Работы у меня полным-полно.

Папа работал на военной фабрике. Делал пулеметы и пушки — стрелять по вероятному противнику, когда он нападет на мирное население. Работой своей папа часто гордился, всегда считал ее очень важной, а тут говорят: ее больше нет.

— Ошибаетесь, — показал папа на недоделанный пулемет. — Есть работа. Вот она.

Но папе объяснили: к сожалению, работы нет, потому что, к счастью, противник передумал нападать на мирное население, во всем чистосердечно признался, раскаялся и теперь уже больше не вероятный противник, а друг сердечный. Поэтому пушки с пулеметами не нужны. Стрелять некуда.

Папа, конечно, невероятно обрадовался новому другу, по которому стрелять не надо, потом спросил:

— А мне как быть?

— Как хотите. Фабрика наша закрывается. Идите домой.

Папа пошел и по дороге встретил свою дочку, которую только что исключили из школы, потому что она поссорилась со всеми учительницами и плюнула директору в кабинет.

Дома мама узнала эти новости, огорчилась, забыла выключить утюг. Дом сгорел. Удалось спасти только кошку и мамины очки. Все стулья, занавески, кровати, тапочки сожглись вместе с крышей, стенами и потолком.

— А деньги у нас тоже сгорели? — спросила мама, когда дым рассеялся.

— Угу! — потрогал папа копченую бороду. — Тоже. Дотла.

— Напрасно мы не держали их в банке, — вздохнула мама.

— Ошибаешься. Именно в банке из-под огурцов они и лежали. Под кроватью. Но банка лопнула от огня.

Кошка смотрела на своих хозяев, шевелила поджаренными усами, будто спрашивала:

— Что ж делать станем?

— Мы потерпели крушение, — отвечал кошке папа. — В таких случаях садятся в первую попавшуюся лодку, плывут искать какой-нибудь остров.

Так они и поступили. И нашли остров Эскадо.

Потерпевшая крушение семья нашла остров Эскадо, стала его осматривать. Впереди шел папа, за ним мама, за мамой крупная девочка, а позади всех худенькая кошка.

Семья шла, и на каждом шагу ей попадались маленькие, поросшие травой холмики, похожие на могилы.

— Кошмар! — ужаснулась мама. — Пришли на кладбище! Вот ужас!

«Ужас? Где ужас? — подумала про себя кошка. — Не вижу ужаса».

Вслух она ничего не сказала, потому что не умела говорить на человеческом языке. Она вообще не получила никакого образования, не могла читать, писать и не знала некоторых простых вещей. Например, не знала, что такое кладбище, поэтому почти не испугалась.

— Кладбище? — задумался папа. — Очень может быть.

Он присел на корточки, стал руками раскапывать ближайший холмик.

— Перестань! — закричала перепуганная мама. — Прекрати! Мертвецы полезут!

— Не полезут, — сказал папа и выкопал из холмика пачку денег.

«Ага! — подумала кошка. — Кладбище — это место, где клады зарыты. Запомним».

Кошка не ошиблась. Под холмиками действительно оказались клады. Там лежали хорошо упакованные, перевязанные веревочками пачки денег.

Папа быстренько построил на острове шалаш, временно поселил там свою семью, а сам подстриг пригоревшую бороду, нагрузил лодку деньгами, отправился в путь. Мама пожелала ему счастливого пути, а дочка сердито промолчала.

Крупная девочка страшно сердилась. Сама на себя.

«Зачем я поссорилась со всеми учительницами и пошла плеваться в директорский кабинет? — думала крупная девочка. — Надо было к мусорнику пойти. Или к урне».

Ей было очень стыдно.

ВТОРАЯ ГЛАВА

На кого больно смотреть? Куда катиться надо? Почему кошки не возражают? Кому торжествовать в одиночестве?

Вернулся папа на остров Эскадо уже не на лодке. На большом корабле. И привез с собой все, что только можно себе представить, начиная с кирпичей, из которых можно строить дом, и кончая маленькими свечками — их нужно втыкать в торт, чтоб получились веселые дни рождения.

Вскоре семья сидела за новым столом в новом кирпичном доме, весело праздновала день рождения своей худенькой кошки.

— Знаете что, — сказала мама. — Давайте пригласим на этот остров знакомых. Станет еще веселей.

— Правильно! — согласился папа. — Приедут, выкопают клады, купят кирпичи, построят разные дома. А то нашему дому что-то одиноко. А так будет улица.

— Папа и мама, — вздохнула крупная девочка, — пожалуйста, позовем сюда директора с учительницами. Пусть у них тоже будет новая школа с новым кабинетом.

— Почему нет?! — засмеялся папа. — Кладов на всех хватит.

Крупная девочка тоже так думала. Но худенькая кошка покачала головой. Она, конечно, не стала возражать — не умела возражать человеческим голосом, но в своей кошачьей душе она была не согласна с хозяевами. Кошка считала иначе. И снова не ошиблась.

Сначала все шло хорошо. Знакомые, которых позвала семья, приезжали, выкапывали клады, строили дома. Потом звали на остров своих знакомых. Их знакомые тоже приезжали, тоже выкапывали, тоже строили, тоже звали знакомых.

Приехал чей-то знакомый невысокий священник, выкопал клад, огляделся, сказал: «Пусто место не бывает свято», построил высокую церковь. С колоколами. Его знакомый доктор приехал со всеми своими родными медсестрами. Старшими и младшими. Они выкопали клад и дружно, как одна большая семья, построили больницу. Потом на острове появился магазин Очень Нужных Вещей, чайная, кофейная, закусочная, потом парикмахерская, потом аптека. Потом хорошо знакомые друг с другом дикторы и дикторши построили телебашню. Приехали разные деловые люди, предприниматели, построили предприятия, стали все время что-нибудь предпринимать. Акробаты и фокусники построили цирк, штангисты и футболисты — стадион, летчики — аэропорт, банкиры — банк. Вокруг банка поставили забор, а на крышу прицепили буквы: «Главный банк Эскадо».

Приехали учительницы с директором, помирились с крупной девочкой, построили школу с балконами.

— Мы, — сказали учительницы крупной девочке, — на тебя больше не сердимся. И директор тебя давно простил. У него теперь новый кабинет. Чистый. А о школе с балконами мы с директором давно мечтали. Почему-то школы всегда без балконов бывают, даже обидно.

Остров Эскадо становился все красивей и красивей.

И тут клады внезапно кончились. Однажды знакомые знакомых знакомых приехали, кладов не нашли.

Худенькая кошка сидела на крыше своего нового дома, в ужасе смотрела вниз. Внизу между новыми домами бегали те, кому ничего не досталось.

— Вы зачем нас позвали? — приставали они к знакомым и незнакомым. — Мы денег не нашли. Что вы нам теперь посоветуете?

«Да катитесь отсюда на все четыре стороны!» — посоветовала бы им худенькая кошка, если б умела советовать на человеческом языке. К счастью, она этого не умела.

Зато умела хозяйка худенькой кошки — крупная девочка. Она сказала так:

— Знаю, что делать. Те, кто нашел клады, должны поделиться с теми, кому не досталось. Это будет справедливо.

— Хм! — согласился папа крупной девочки. — Это будет справедливо. Но не честно.

— Почему? — удивилась девочка.

Но папа не объяснил почему. Он сказал:

— Вырастешь — узнаешь. •

Знакомые, оставшиеся без кладов, бродили по острову, вздыхали. Им было негде жить и нечем заняться. От скуки они часто засовывали головы в окна к нашедшим клады, заглядывали им в глаза. Нашедшие моргали и отворачивались. Им было больно смотреть на ненашедших.

Пришлось поступать по справедливости. Нашедшие собрали все деньги, которые остались у них после строительства домов, разделили между не нашедшими.

Но не нашедшим не хватило денег на кирпичи. Им хватило только на билеты, чтоб уехать с острова Эскадо обратно домой. Они уехали грустные.

Справедливось восторжествовала. Она торжествовала, но, кроме справедливости, никто не радовался, и в одиночестве ей было грустно торжествовать.

Нашедшие клады остались на острове Эскадо в своих новых домах. Вот только денег у них больше не было. Ни копейки. Ни у кого. Даже главный банк Эскадо стоял пустой. Хоть шаром покати. Бильярдным. Шар бы целый день с грохотом катался по банку — ни одной денежки не задел, потому что их нету.

Аптекарь печально бродил по аптеке среди своих лекарств, спрашивал жену:

— Дорогая, может, где-нибудь у нас завалялось хоть несколько монет?

— Нет, Соломон, — отвечала жена, — не завалялось.

— Что же делать? — сокрушался аптекарь Соломон. — Как быть? Скоро кто-нибудь придет покупать лекарства, а у меня даже мелочи нет, чтобы дать сдачу.

Парикмахер Рубен бегал по своей парикмахерской, тоже волновался: «Вдруг сейчас придут друзья, попросят денег взаймы, а у меня нету!»

— Это кризис! Да, это кризис! — говорили друг другу жители острова, встречаясь на улице.

— Дальше некуда. Дошли до предела, — утверждали они, стоя друг перед другом на перекрестках.

И действительно, куда им было идти? В магазин за телевизором и тортом без денег не пойдешь, в парикмахерскую бесплатно — тоже. В результате заросший волосами продавец и одичавший без торта и телевизора парикмахер стояли посреди острова, положив руки в карманы. Вздыхали:

— Все! Кризис! Деловая жизнь останавливается.

Худенькая кошка не знала, что такое кризис, но чувствовала: деловая жизнь правда останавливается. В ее блюдечке перестало появляться молоко. А это, конечно, не дело.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Зачем учительнице пуговицы? От кого девочки не отстают?
Что уносят носильщики и кому оно нужно?*

Семья крупной девочки очень нервничала. Папа, мама в очках, сама худенькая кошка сидели за новым круглым столом, не знали, что предпринять. Надо было идти в магазин за молоком для кошки, а денег не было.

Тогда крупная девочка вошла в комнату, сказала:

— Пуговицы!

— Какие пуговицы? — удивились мама и папа.

Худенькая кошка подумала то же самое. «Какие такие пуговицы?» — подумала она.

— Ни у кого, — сказала крупная девочка, — нет ни одной монетки. Но у каждого есть пуговицы на платьях, рубашках и штанах. Их можно поотрывать. Пусть они будут вместо монет. А потом мы что-нибудь придумаем.

«Какая она умная, наша Синди», — ласково подумала худенькая кошка. Кошка так подумала, потому что крупную девочку звали Синди. А ее полное имя было Синдирелла.

Услышав про пуговицы, жители Эскадо приободрились, поотрывали пуговицы от рубашек и штанов. Самые осторожные и предусмотрительные все же оставили себе на штанах по одной пуговице, но большинство, придерживая штаны руками, отважно окунулись в деловую жизнь с головой.

Владелец магазина Очень Нужных Вещей Брюк смело срезал все пуговицы с себя, со своих взрослых детей, с жены и с ее возмущенной мамы. Побежал и купил на эти пуговицы у разных знакомых всяких ненужных им вещей, выставил в своем магазине на полках.

— Кому-то оно не нужно, — рассуждал Брюк, — а другой это же самое ненужное везде бегает ищет. Высунув язык!

Брюк рассуждал правильно.

Парикмахер Рубен, в одних трусах с карманом, делал свое дело не покладая рук: стриг, брил обросших во время кризиса. За это каждый постриженный, побритый положил ему в карман трусов по пуговице.

Половину полученных пуговиц Рубен тут же раздал в долг друзьям и вместе с ними помчался в чайную, чтобы там с друзьями выпить чаю за дружеским столом.

Владелец чайной Чань Дзынь немедленно налил всем им чаю, получил с каждого по пуговице, попросил Рубена и его друзей присмотреть за самоваром, чтоб не остыл, а сам кинулся к своему приятелю, владельцу кофейни Поползпополу. Владелец чайной Чань Дзынь не любил чай, он предпочитал выпить чашечку кофе.

— Дела пошли неплохо! Деловая жизнь налаживается! — опуская пуговицу в карман и расправляя свои узкие плечи, сказал Чань Дзыню его приятель Поползпополу.

Они сели на разбросанные по полу кофейни подушки, взялись за ручки кофейных чашечек.

Деловая жизнь на острове Эскадо действительно налаживалась. У каждого жителя острова были пуговицы. И жители теперь в ответ на что-нибудь хорошее протягивали друг другу пуговицу.

— Спасибо, что вы дали мне эту красивую шляпу, — говорила покупательница продавцу в магазине. — Вот вам за это пуговица.

— Спасибо, вы ловко починили мой телевизор, — говорил телезритель телемастеру. — Вот пуговица, возьмите.

— На тебе пуговицу за то, что ты помог мне вскопать огород, — говорил соседу сосед.

— Вот вам пуговица, вы очень ярко покрасили наш забор, — благодарили маляра Ваню Гогова.

— Мерси за вкусный бутерброд, я закусил на славу, — давал маляр пуговицу хозяину закусочной Блинчу.

Почти все жители острова Эскадо все время делали друг другу что-нибудь хорошее: врач лечил от простуды, сапожник чинил каблуки, садовник угощал яблоками, таксист подвозил куда надо, носильщик приносил то, что нужно, и уносил то, что уже не нужно. Каждый отдавал пуговицу, когда кто-нибудь старался для него, но этот же каждый тоже старался для другого и за это тоже получал пуговицу. Обратно. Поэтому пуговицы ни у кого не кончались.

Крупная девочка Синди ходила в школу, училась там на свежем воздухе, на балконе. За это ее родители, как и родители других учениц и учеников, давали директору школы пуговицу. Директор сначала складывал эти пуговицы у себя в кабинете, потом раздавал учителям, чтоб они могли пообедать. Директор по личному опыту знал,

что не пообедавшие учительницы часто сердятся и в сердцах беспрерывно ставят ученикам слишком плохие отметки. Себе директор тоже оставлял несколько пуговиц. Одну на чай, чтоб отдать ее Чань Дзыню. Другие — булочнику за булку, аптекарю Соломону за таблетку от головной боли и маляру Ване Гогову за новую географическую карту, которую тот нарисовал на школьном заборе, чтобы ученики изучили географию.

После уроков Синди делала домашнее задание, обедала. Потом вместе с мамой мыла посуду наперегонки и спешила в закусочную, потому что недавно прочла на столбе объявление:

«Требуется помощница, умеющая хорошо обращаться с бутербродами и талантливо слагать салаты. С предложениями обращаться ко мне — хозяину закусочной Блинчу».

Синди обратилась, стала помогать хозяину закусочной Блинчу делать красивые, вкусные бутерброды и слагать для посетителей замечательные салаты. За это получала пуговицу, тратила ее на мороженое.

Однажды, съев мороженое, Синди бежала домой и вдруг увидела бредущего по улице молодого человека.

— Ты заболел? — спросила Синди. — Такой молодой, а бредешь как дедушка.

— Отстань, — огрызнулся молодой человек, поддерживая руками штаны, и побрел дальше.

Но Синди не отстала. Крупная девочка потихоньку шла за молодым человеком, чувствовала: ему надо помочь.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Как лучше приглядываться? В чем души не чают?

Кто интересуется кошками? Почему у них есть, а у нас нету?

Молодой человек добрел до совсем маленького домика. Синди удивилась. Таких мелких, невзрачных домиков на острове Эскадо ни у кого не было. Все нашедшие клады строили себе очень вместительные, красивые дома. Синди подбежала к окошку без стекла, заглянула внутрь. Внутри стояла только кровать без одеяла, больше ничего.

На кровати сидел молодой человек, хныкал:

— Хочу вкусного! Хочу мороженого, хочу жвачку, хочу шоколадных конфет!

— Бедный Пэпэ, — услышала Синди голос, который отвечал молодому человеку. — Я бы пошла, если бы могла шагать ногами, я бы принесла, если бы могла держать руками. Я принесла бы тебе, Пэпэ, все, что хочешь.

Синди присмотрелась и поняла: говорит тряпичная кукла. Молодой человек держал ее в руках. Но тут молодой человек отбросил куклу на край кровати, крикнул:

— Но ты не можешь, так нечего и болтать! Ты не моя кукла. Я не девчонка, а молодой человек.

— Ах, Пэпэ, Пэпэ! — прошептала кукла, беспомощно свисая с кровати вниз головой. — Конечно, я не твоя кукла. Я кукла твоей мамы. Но, к сожалению, она давно умерла.

А молодой человек бил руками по кровати, кричал:

— Не честно, не честно! Я нарочно маленький домик построил, чтоб от клада больше денег осталось — вкусное покупать. Почему я должен был свои деньги отдавать? Ну и что, что им кладов не досталось? Я-то нашел! А потом пуговицы придумали. Сначала-то я обрадовался, а теперь что делать? Нет у меня больше пуговиц, нету. Кончились. Штаны и то застегнуть нечем — вот рукой держу. А вкусного хочется!

— Смотрю я на тебя Пэпэ, — сказала кукла, — и не знаю...

— Смотришь? — вдруг замер Пэпэ. — погоди, а чем это ты на меня смотришь?

Синди тоже взглянула — чем же смотрит кукла? У тряпичной куклы вместо глаз были две круглые пуговицы.

— Как же я раньше не сообразил?! — воскликнул счастливый Пэпэ. — Целых две пуговицы! Мороженое и газировка! Или нет, лучше жвачка и шоколад! Я возьму, да?

— Конечно, Пэпэ, конечно, — торопливо сказала кукла. — Бери. Мне только жаль, что я тебя больше никогда не увижу.

— Да чего на меня смотреть? Картина я, что ли? — бормотал Пэпэ, откручивая пуговицы.

Через миг он выскочил из домика, даже не сказав кукле до свидания.

Синди влезла в окно и подошла к кровати.

— Кто-то пришел, — тихо сказала кукла. — Здравствуй, кто-то.

— Здравствуй, кукла, — сказала Синди. — Не расскажешь ли мне все с самого начала? Может, мы вместе поможем твоему Пэпэ.

Мама Пэпэ умерла очень рано. Она была еще совсем молодая, почти девочка. Только-только родила своего маленького Пэпэ — и в тот же вечер умерла. Умирая, мама сказала своей любимой кукле: «Пожалуйста, сумей говорить и не оставляй моего сына. Я хочу, чтоб кто-нибудь говорил ему ласковые слова».

Так сильно она это сказала, что в природе случилось волшебство: кукла сумела.

Отец Пэпэ тоже умер рано. Он был беден, изо всех сил старался разбогатеть. Старался-старался, разбогател и скончался на следующий день, потому что сил жить у него совсем не осталось.

Пэпэ оказался один, но не очень огорчился. Он был теперь богатый мальчик, решил так: «Родителей у меня больше нет, буду баловать себя сам».

И Пэпэ баловал себя, как мог. Днем, утром и вечером. А к словам куклы, которая пыталась его хоть чему-нибудь научить, не прислушивался. Он стал молодым человеком и, что ни день, тратил все больше денег. Тратил, тратил, никогда ничего не зарабатывал. И конечно, деньги у него кончились. Так бывает всегда.

Без денег Пэпэ жить не понравилось. Но тут знакомые позвали его на остров Эскадо. Пэпэ приехал, вырыл клад. Когда вместо денег пришлось за что-нибудь вкусное давать пуговицу, Пэпэ сначала бодро срезал пуговицы со своих рубашек. Вскоре очередь дошла до штанов.

А потом Пэпэ сидел без пуговиц на кровати и хныкал:

— Почему у них есть пуговицы, а у меня нет?

— Потому что они стараются друг для друга, — объясняла кукла. — Это же просто. Чем больше делаешь хорошего для других, тем больше у тебя пуговиц. Хоть в три ряда пришивай. А кто ни для кого пальцем шевельнуть не хочет, тот держит штаны руками, а то упадут.

Но Пэпэ ничего не хотел понимать.

— Не буду ни для кого делать, — говорил он. — Для меня никто ничего не сделал — и я для других не буду.

Напрасно кукла доказывала, что это ведь другие люди сделали жвачки, шоколад, мороженое — все те вкусные вещи, которые так любит Пэпэ.

— Ну и что? Они же не для меня сделали, а просто так...

— Ах, Синди, — закончила свой рассказ кукла. — Мой Пэпэ слишком сильно любит вкусное. Он безумно обожает жвачку, крепко влюблен в шоколад и всей душой страстно мечтает о печенье. Синди, ты знаешь, что такое страсть?

— Страсть? — нахмурилась Синди. — Что-то страшное.

— Да, — сказала кукла. — Если кто-то пылает страстью к холодному мороженому и души не чает в твердой шоколадке — это страшно. В шоколадке действительно нет души. Она ведь не живая.

— Значит, твоему Пэпэ нельзя помочь? — огорчилась Синди.

— Почему нельзя? Можно. Даже сильную страсть можно победить теплой, живой любовью. Пэпэ сразу бы перестал так преданно любить жвачку и шоколад, если бы всей душой полюбил что-то живое.

— Живое? — задумалась Синди. — У меня есть худенькая кошка. Очень живая. И теплая. Если их познакомить, может, Пэпэ полюбит ее. Всей душой.

— Вряд ли, — сказала кукла. — Молодые люди редко интересуются кошками. Им больше нравятся юные человеческие особы с бантиками.

— Я тоже, — сказала Синди.

— Что ты тоже?

— Я тоже юная человеческая особа с бантиками.

— Правда? — обрадовалась кукла. — Тогда нам повезло. А ты уже большая?

— Лет мне не много, — сказала Синди, — но я крупная. Может, и подойду.

— Я ведь не вижу тебя, — вздохнула кукла.

— Подожди!

Синди вытащила из воротника иголку с ниткой, которые всегда носила с собой, оторвала от своего платья две пуговицы и быстро пришила их под вышитые крестиком брови куклы.

— Спасибо, — сказала кукла, взглянув на Синди. — Боюсь, ты еще слишком юная человеческая особа, но все же стоит попробовать.

— А как?

— Надо, чтобы ты ему приглянулась. Для этого он должен приглядеться к тебе повнимательней. Ты могла бы улыбнуться ему, когда он придет?

— Это не трудно, — кивнула Синди. — Я попробую.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Зачем рот открывается? Куда падает оторванный взгляд?

Про кого вспоминают поздно?

Как поступать с укушенными шоколадками?

Дожевывая жвачку, Пэпэ возвращался домой. Он подошел к дверям своего домика, вдруг увидел Синди.

«Что тут делаешь?! — хотел крикнуть Пэпэ. — Мой дом. Уходи!»

Он уже открыл рот для грубого крика, и тут Синди ему улыбнулась. Пэпэ еще шире открыл рот. От удивления. Уже много лет никто никогда не улыбался Пэпэ. Ведь он сам первый никому не улыбался, а улыбка всегда рождается в ответ на улыбку. Конечно, кукла часто говорила Пэпэ ласковые слова, но она, хоть и была волшебной, все-таки оставалась тряпичной, улыбаться не умела.

Увидев улыбку Синди, Пэпэ пригляделся к ней повнимательней, и она ему приглянулась. Пэпэ почувствовал, как в глубине души у него что-то шевельнулось и растаяло. Может быть, кукла немного помогла ему своим волшебством, а может, Пэпэ, сам того не подозревая, давно уже хотел мечтать не о вкусностях, которые просто съел — и все, а о чем-то улыбающемся и прекрасном.

Не в силах оторвать взгляд, Пэпэ долго смотрел на Синди, молчал. Синди улыбалась. Постепенно на лице Пэпэ тоже стала появляться улыбка.

«Неужели получилось?» — подумала Синди и вдруг покраснела от смущения.

Наконец Пэпэ поднатужился, оторвал взгляд от красной, как два помидора, но отважно улыбающейся Синди, взглянул на куклу. Мамина кукла ласково смотрела. С одобрением. Взгляд Пэпэ упал на новые пуговицы — в душе у него снова что-то шевельнулось.

— Ты ведь не рассердишься на меня, правда? — крикнул Пэпэ, протягивая руки.

— Конечно, нет, — сказала кукла. — Бери, мой хороший.

И Пэпэ снова выскочил из дома, сжимая в каждом кулаке по пуговице.

Синди растерялась. Стояла вся красная, не знала, что делать со своей улыбкой, куда ее деть.

На этот раз Пэпэ вернулся очень быстро. В одной руке он держал

уже укушенную шоколадку, в другой — целую. И эту целую протянул Синди.

— Вот, — сказал Пэпэ. — Это тебе.

— Что, что он тебе дал? — взволнованно спросила кукла, которая опять не могла ничего увидеть.

— Шоколадку.

— Ага! — облегченно вздохнула кукла. — Наконец-то ему захотелось сделать для кого-то что-нибудь хорошее.

Не спуская с Синди глаз, Пэпэ разломил свою укушенную шоколадку на две части. Себе оставил маленький кусочек с укушенной стороной, а все остальное тоже протянул девочке.

— Пэпэ дал мне вторую шоколадку, — шепнула Синди кукле.

— Всю?

— Почти всю.

— Ну, что ж, это начало большой любви, — тихо сказала счастливая кукла. — Теперь я спокойна за нашего Пэпэ. Теперь он не пропадет и, возможно, когда-нибудь будет по-настоящему счастлив. Как я.

Пэпэ всей душой полюбил Синди, и это ему помогло. Ему по-

прежнему часто сильно хотелось вкусного, но еще чаще, еще сильнее ему хотелось угостить чем-нибудь вкусным свою любимую Синди. Или сделать ей что-то приятное: подарить цветы, покатать на карусели, повести сразу и в цирк, и в зоопарк.

Вскоре Пэпэ заработал свою первую пуговицу. Он ждал возле закусочной, когда Синди закончит слагать салаты, чтобы, держа за руку, проводить ее домой. Хозяин закусочной Блинч попросил Пэпэ помочь вымыть вилки. Пэпэ с жаром взялся за дело, через минуту притащил Блинчу охапку мокрых вилок.

— Пэпэ, — спросил Блинч, глядя на вилки, с которых ручьем текла вода, — что ты мне принес?

— Ваши вилки, — доброжелательно улыбнулся Пэпэ.

— Но ведь они грязные.

— Немножко грязные, — не стал спорить Пэпэ. — Но, согласитесь, до того как я начал их мыть, они были еще грязней, а теперь стали гораздо чище.

Блинч еще раз внимательно осмотрел свои вилки, понял, что Пэпэ прав, вздохнул, согласился и протянул Пэпэ пуговицу.

Пэпэ тут же истратил эту первую честно заработанную пуговицу, и, когда Синди вышла из закуской, он ждал ее с необъятным букетом цветов.

Вторую, третью, четвертую и пятую честно заработанные пуговицы Пэпэ тоже истратил на подарки для Синди, а шестую и седьмую принес домой, сам пришил их кукле, чтоб она сумела смотреть на него счастливыми глазами.

Конечно, кукла давно могла бы смотреть счастливыми глазами на своего Пэпэ, потому что Синди много раз хотела пришить кукле свои пуговицы. Но кукла всегда отказывалась, ждала, когда Пэпэ сам об этом вспомнит.

— Тот, кто однажды полюбил кого-то одного, — всегда говорила кукла, — рано или поздно вспомнит и про других. Не оставит их в беде.

Кукла оказалась права.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

*За кем не зря гоняются? Как наладить переполох?
Чего дождется большинство? Кто стащил надежду?*

Всем жителям Эскадо нравилось жить на своем острове. Но им не нравилось с острова уезжать. Даже ненадолго. Деловая жизнь на острове кипела бурно, как суп в кастрюле, а вот поехать в другие края, приобрести там что-нибудь нужное жители Эскадо не могли.

Один раз Брюк, владелец магазина Очень Нужных Вещей, уплыл с острова за батарейками и вернулся ни с чем. Когда он захотел в чужих краях платить за батарейки пуговицами, его не просто прогнали — еще долго гнались за ним по пятам.

Запыхавшийся Брюк прыгнул в лодку, примчался на остров Эскадо с вытаращенными глазами, организовал панику.

Все жители острова немедленно построились в одну бушующую толпу, дружно приняли участие в общем переполохе.

— Никто во всем мире, — кричал Брюк, — не будет уважать наш остров, если вместо денег у нас всегда будут пуговицы! В других странах и золотые монеты, и серебряные, и красивые бумажные банкноты с портретами, а у нас... тьфу! Пуговицы от штанов с дырочками.

— Нет у нас на штанах дырочек, — возражали некоторые жители

Эскадо, но большинство соглашалось с Брюком, тоже участвовало в панике.

— Пора завести на острове настоящие деньги, — говорило большинство. — Чтоб мы были не хуже других, могли покупать у них, привозить на остров все, что захочется.

— Зачем привозить? — спорила с большинством Синди. — Давайте все сами делать, прямо на острове. У нас хорошо получится.

Худенькая кошка была согласна со своей крупной хозяйкой. Если б она умела говорить на человеческом языке, она бы поддержала

хозяйку в споре, сказала: «Правильно. Молоко из наших коров получается хорошее, котлеты тоже. Чего еще надо?»

Но большинству нужно было много чего еще. В конце концов в споре на стороне большинства оказались даже Синдины родители и кукла Пэпэ, а на стороне меньшинства только Синди, Пэпэ и кошка.

— Да, — говорило большинство, — у нас на острове неплохо получаются некоторые вещи: морковка, например, смородина, бананы, арбузы очень круглые растут. Веники мы красивые вяжем, тапочки удобные шьем. Пироги у нас хорошо удаются, особенно с грибами. А вот телевизоры не удаются. Сколько ни пробовали сами телевизор скототить — видим, не то. Просто ничего не видим. Телевизоры лучше из чужих краев привозить. И электрические

лампочки тоже, потому что наши взрываются под потолком часто — и все время приходится мелкие стекла выметать.

— А чтоб телевизоры и лампочки на остров привозить, — выражал мнение большинства Брюк, — нам нужны не просто пуговицы, а настоящие деньги.

Кошка и Пэпэ еще бы долго спорили, но Синди подумала и решила согласиться. Синди умела признавать свои ошибки, если была не права.

— Ладно, — перестала спорить Синди. — Пусть у нас на острове тоже будут золотые и серебряные монеты, как у других. Вы правы. Я согласна.

И кошка, и Пэпэ сразу же согласились вместе с ней, потому что очень ее любили.

— Ура! — закричало большинство. — Мы победили! Ура! Ура! Ура!

Накричавшись досыта, большинство уставилось друг на дружку в ожидании. Это с ним часто случается, с большинством. Когда оно оказывается право и побеждает, большинство думает, что дальше ничего делать не надо, все получится само собой. Например, с неба вдруг сами кубарем посыплются золотые и серебряные монеты или еще что-нибудь полезное.

Вот тут-то большинство, хоть и было право, жестоко ошиблось. Ничего с неба кубарем не посыпалось.

— Чего вы ждете? — спросила Синди.

Большинство пожало плечами — само не знало, чего ждет.

— Чтобы получились золотые и серебряные монеты, — сказала Синди, — надо найти на нашем острове золото и серебро.

— Не найдем, — сразу же расстроилось большинство. — Мы все клады давно вырыли. Больше нету.

— Минуточку, — вмешался директор школы, который тоже толкался среди большинства. — Одна моя учительница учит детей географии, говорит, в земле, кроме кладов, бывают еще полезные ископаемые. Да вот она стоит. Пусть сама скажет.

Все посмотрели на учительницу географии, которая, хоть и смутилась, уверенно сказала:

— Да. В земле, если поискать, можно найти разные полезные ископаемые: уголь, железо, медь, серебро, золото.

— Так давайте искать! — предложила Синди, и ее предложение было немедленно принято. Абсолютным большинством.

Как известно, остров Эскадо невелик. Уже к вечеру в поисках

полезных ископаемых жители ископали его вдоль и наискосок. Сначала ископаемые попадались все больше вредные. Выкопалось несколько старых пиратских скелетов с кортиками и куча пустых консервных банок, которые, чтоб не валялись на виду, закопал в землю еще Робинзон, открывший когда-то остров Эскадо. Жители уже стали терять надежду, но тут из земли выкопались довольно полезные ископаемые — дождевые червяки. Увидев вместо дождя толпу народа с лопатами, червяки хотели смыться обратно в землю, но их стали уговаривать остаться — обещали взять с собой на рыбалку. Согласился только один. Из любопытства. Никогда на рыбалке не бывал.

В поисках ископаемых жители острова несколько раз теряли надежду, искали ее, находили, снова теряли, опять находили.

— Нашли! Нашли! — кричали они каждый раз, и Синди бросалась на крик — думала, нашлись нужные ископаемые.

Но нет, это снова была только надежда.

А потом нашлись ископаемые. Оказалось, на острове Эскадо в глубине земли есть уголь для печек, нефть, из которой можно делать бензин для автомобилей, и еще много чего другого, в том числе золото с серебром.

Через несколько дней новые деньги были готовы. Наконец-то у жителей острова появились свои большие, круглые, аккуратные золотые монеты с зубчиками по краям и с красивым узором посередине. А еще маленькие — серебряные.

Из лишнего золота наделали разных медалей, орденов. Награждать за успехи на пожаре, при наводнении и во время умственного труда.

Золотые монеты решили назвать эскадо, серебряные — эскадушки.

Теперь довольные жители могли не только покупать все друг у друга, но и ездить за покупками в чужие края. В чужих краях с удовольствием хватали золотые эскадо и серебряные эскадушки, с радостью меняли на другие деньги, с любимыми картинками и портретами.

— Теперь, — сказал Брюк, расставляя на полках своего магазина привезенные из чужих краев батарейки и телевизоры, — никто за нами зря гоняться не станет. Теперь нас, жителей острова Эскадо, зауважают все.

Большинство кивало, было с ним согласно. Меньшинство тоже.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Нужна ли сдача? Где букашка гуляла?

Мимо чего проходят новости и не за это ли выводят адмиралов?

Однажды, когда все на острове Эскадо были заняты делом, не глазели по сторонам, далеко в море — на горизонте — показались точки. Точки становились все больше, потому что приближались к острову.

Если бы жители Эскадо хоть на минуточку оторвались от своих внутренних дел, они бы сразу заметили: к острову приближаются пиратские корабли с пиратами. Тут бы жители, конечно, задрожали. Они бы испугались еще больше, если бы узнали: приближаются те

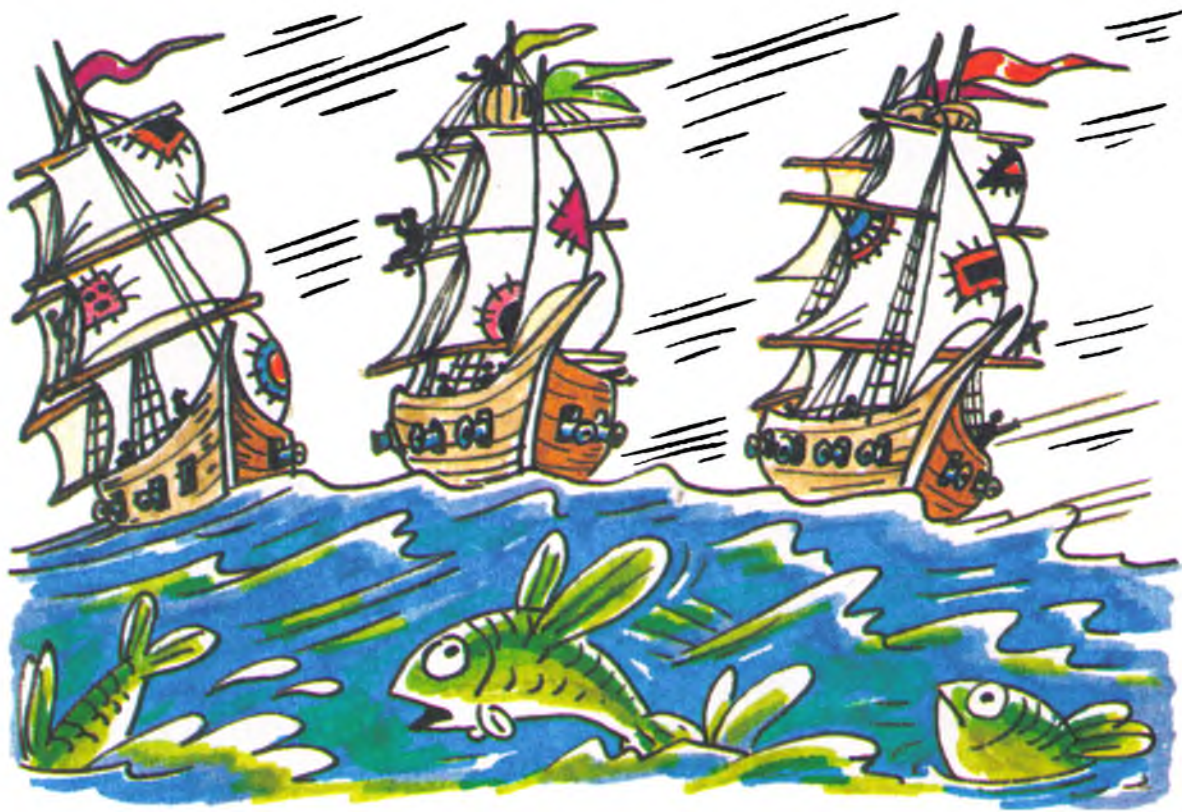
самые дикие пираты, которые когда-то зарыли на острове Эскадо свои клады. Те самые клады, которые они, жители, давным-давно выкопали, забрали себе.

Трудно сказать, как бы поступили жители, заметь они заранее грозящую опасность. Возможно, они все закричали бы хором: «Спасайся кто хочет!» — попрыгали в лодки, удрали с острова навсегда. А может, подняли бы руки вверх, сдались на милость уже близкого победителя. Или начали препираться друг с другом, спорить, что делать: сразу сдаваться или сначала немножко позащищаться? Не исключено, что некоторые попросили бы Синдиного папу быстренько сделать парочку пушек, пулеметов. Папа Синди умел делать такие вещи — когда-то работал на военной фабрике.

Из пушек, пулеметов жители острова, наверно, стали бы стрелять в подплывающих, наверняка в кого-нибудь попали бы, и уж тогда даже представить себе страшно, чем бы дело кончилось.

К счастью — да, да, к счастью, — жители Эскадо заметили пиратов, когда те уже попрыгали с кораблей на остров, подбежали к жителям, протянули руки...

...Вот тут, прежде чем рассказывать дальше, надо объяснить, что было раньше.

Когда-то дикие пираты, зарыв свои клады на острове Эскадо, поставили на берегу табличку «ЗАКРЫТО», уплыли в дальние края.

В дальних краях они, как обычно, собирались безнаказанно грабить кого попало и под руководством своего пиратского адмирала Шприца безответственно всех подряд обижать.

Их пиратский адмирал Шприц еще в раннем детстве ограбил одного дедушку доктора, который со своей старшей медсестрой неосмотрительно пришел лечить его от ангины. Нездоровый мальчик укусил медсестру, отнял у доктора одноразовый шприц и с тех пор, чуть что, грозил всем уколами. Пираты боялись уколов, слушались своего адмирала, делали все, что он скажет.

— Вы, — говорил им адмирал Шприц, — никого, кроме меня, не бойтесь. Дружно на всех нападайте, грабьте их до последней нитки — и ничего вам за это не будет, все сойдет с рук. А награбленное в руках останется. И вы половину отдавайте мне, а то уколю.

Приплыв в дальние края, дикие пираты опять послушались своего адмирала — затеяли грабеж. Но тут выяснилось, что обитатели

дальних краев не собираются ходить ограбленными, сердятся, дают сдачи.

— Товариш адмирал, — побежали дикие пираты к Шприцу, — нам сдачи дают.

«Сдачу, — хотел сказать Шприц, — тоже отдавайте мне».

Но было уже поздно. Сердитые обитатели дальних краев окружили пиратов, отобрали у них сабли, за уши вывели с кораблей.

Адмирала Шприца вывели с корабля за оба уха, так как он упирался, не хотел никуда идти. Докторский шприц у адмирала тоже, конечно, отобрали, выбросили. Он был одноразовый.

— Что теперь с нами будет? — спросили пираты, держась за свои ярко-красные уши.

— Ничего особенного, — сказали им. — Посидите, подумайте о своем поведении.

— Долго сидеть?

— Долго! — сказали пиратам. — Садитесь и думайте!

— Не можем думать, — захныкали пираты. — Отвлекаемся.

— Что отвлекает?

— Животы. От аппетита урчат. Мы еще не пообедали, нас до обеда поймали.

— Ладно, — сказали пиратам. — Вот повариха Дарья. Будет вас кормить. Завтраками, обедами, ужинами. А вы сидите, обдумывайте свое поведение.

Повариха Дарья поглядела на пригорюнившихся пиратов, немножко их пожалела.

— Суп, — спросила Дарья, — будете?

— Давай! — сказали все пираты, кроме адмирала.

— А котлеты?

— Давай!

— А компот вишневый?

— Давай! — радостно крикнули пираты. Только Шприц опять промолчал.

Тут Дарья вспомнила, сколько человек эти пираты обидели, ограбили, отлупили.

— А людей грабить, обижать будете?

— Давай! — обрадовался адмирал Шприц.

— Эх, ты!.. — огорчилась Дарья и оставила адмирала без вишневого компота.

Остальным пиратам повариха компот налила и тотчас об этом

пожалела. Пираты сразу полезли в чашки руками, стали добывать ягоды, запихивать пальцами в рот.

— Совсем дикие! — ахнула Дарья. — Ну, ничего. Я вас тут потихоньку воспитаю.

Долго-долго сидели пираты в дальних краях, глядели в окошки на небо в клеточку, размышляли о своем поведении, питались три раза в день и воспитывались. Многие поправились, некоторые даже растолстели. Только один адмирал Шприц, наоборот, похудел. Питался хуже всех и совсем не воспитывался. Вечно капризничал: «Пшеничную кашу не хочу, блинчики с творогом не буду. Не стану из этой тарелки есть — по ней букашка гуляла».

И о поведении своем адмирал совсем не думал. Думал вместо этого черт знает про что.

Повариха Дарья заботилась о пиратах, как родная мать, таскала им еду, уговаривала чистить зубы и сапоги, учила стирать майки с носками, рассказывала свежие новости.

Как-то раз Дарья рассказала новость про остров Эскадо. Про то, что остров опять открыт и разные знакомые все время находят там всякие клады.

Погруженные в размышления о своем поведении, пираты спокойно пропустили эту новость мимо ушей. Проходя мимо пиратских ушей, новость презрительно хмыкнула, пожала плечами, хотела удалиться. Но адмирал Шприц ее не пропустил. Услышал, страшно огорчился, заскрежетал нечищеными зубами, ничего не сказал.

Пираты сидели-сидели, думали-думали. Время тикало. На острове Эскадо за это время случилась куча событий. О некоторых в нашей книжке уже сказано. Например, Синди помирилась с учительницами, познакомилась с Пэпэ, поспорила с большинством. И проспорила.

Однажды, примерно в тот день, когда на Эскадо нашлись полезные ископаемые, Дарья в дальних краях принесла пиратам завтрак, улыбнулась:

— Сегодня у меня для вас особенно хорошие новости.

— Какие? — задумчиво спросили пираты.

— А такие, — сказала Дарья, — что если вы хорошенько подумали, то можете тут у нас больше не сидеть. Вас отпускают. Собирайтесь.

— Правда?! — обрадовались пираты.

— Правда. Только обещайте больше никого не грабить, чаще чистить зубы, иногда стирать носки и не хватать компот руками.

— Обещаем, еще как обещаем! — загалдели пираты.

— А я, — сказал адмирал Шприц, — ничего такого не обещаю. И не собираюсь.

— Ну и не надо! — отмахнулась Дарья. — И не собирайся. Тебя-то как раз отпускать и не собираются. Ты у нас еще тут посидишь, еще подумаешь.

Уплывая из дальних краев, насидевшиеся пираты долго махали Дарье флагами, кричали благодарные слова, выпускали прощальные возгласы. Повариха печально стояла на крутой скале, глядела им вслед, шептала:

— Смотрите, ребята, не одичайте опять!

Когда последний пиратский корабль скрылся за линией горизонта, Дарья вытерла две слезы, пошла кормить адмирала Шприца пшенной кашей, которую он с детства любил меньше всего на свете.

А пираты, оказавшись за линией горизонта, облегченно вздохнули, переглянулись, запели громкую песню и на всех парусах помчались к острову Эскадо. Там, на острове Эскадо, они надеялись обнаружить под холмиками свои клады. Не знали, что эти клады уже без них обнаружили. И вытащили наружу. Из холмиков. Давным-давно.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

*Зачем хорошо подумавшим чужие головы?
Как запомнить верных товарищей?
Где искать обиженных и с чем к ним подбегать?*

Никем не замеченные, пираты подплыли к острову, спрыгнули, подбежали к жителям, протянули руки, показали на разные дома, спросили:

— Это что?

— Наши дома, — ответили жители. — А в чем дело?

— Холмики где? — растерялись пираты. — Мы, кажется, заблудились, потерялись, острова перепутали, не на тот попали.

— Почему вы так думаете?

— Потому что раньше тут никаких домов не было. Тут только наши клады лежали. В земле зарытые. И все.

— Ой! — обомлели жители Эскадо. — Вы пираты? Те самые?

Пираты постеснялись признаться, потупились, стали ковырять землю носками сапог.

Но жители Эскадо и сами все поняли, кинулись по домам. Дома они заперлись, стали выглядывать в окна, советоваться друг с дружкой по телефону.

— Але, але! — советовались они дрожащими голосами. — Ох и влипли мы в беду! Пираты приехали. Сапогами землю ковыряют, клады свои ищут. А кладов-то нет. Что им скажем?

Никто не мог придумать, что сказать пиратам.

В это время крупная девочка Синди ничего не знала, сидела дома, делала уроки — учила географию. Ее лучший друг Пэпэ сидел рядом, помогал своей любимой подруге. Проверял по учебнику, что она уже выучила, а что уже забыла.

Вдруг в форточку запрыгнула худенькая кошка, стала бегать по «Географии», мяукать, размахивать лапами и хвостом. Кошка хотела бы сообщить хозяйке про пиратов, но не знала человеческого языка, только зря старалась.

Тут домой прибежали Синдины родители, заперлись и все рассказали.

— Ладно, — решила Синди, — закрывая «Географию». — Уроки потом выучу, сейчас буду спасать родной остров от пиратов.

— Нет! — крикнул Пэпэ. — Опасно. Ты хоть и крупная, но все-таки

девочка. Спасать буду я. Быстро выйду на улицу, начну со всеми пиратами драться.

— Не спеши, — удержала его Синди. — Сначала давай с ними через форточку поговорим... Что вам нужно? — спросила Синди, высунувшись в форточку.

— Наши клады, — ответили пираты. — И ваши головы.

Услышав такой ответ, жители острова в своих домах отскочили от окон, попрятались под кроватями.

— Кладов ваших больше нет, — честно признала Синди. — Они кончились. А зачем вам наши головы?

— Вот зачем, — сказали пираты. — Раньше мы кого попало грабили, всех подряд обижали, были дикие. Потом посидели, подумали — стали ручные, воспитанные. Теперь хотим загладить свою вину.

— Как будете заглаживать? — спросила Синди.

— Очень просто. Придем ко всем нами обиженным, начнем их по головкам гладить. Пока не утешатся. Вот и загладим.

— Идите, идите! — закричали из-под кроватей жители острова. — Идите к своим обиженным. А нас гладить не надо. Нас не вы обижали. Мы тут ни при чем. Вы тех, кого обидели, ищите!

— Как их найдешь? — вздохнули пираты. — Мы, кого грабили, обижали, сразу за борт кинули, адресов не спросили. Теперь их ищи-свищи. Нет. Будем всех подряд гладить. Может, среди них и обиженные попадутся. Выходите, не бойтесь. Или хоть головы высуньте. Мы с вас начнем.

— А за то, что ваши клады себе взяли, ругать не будете?

— Не будем. Клады эти мы все равно хотели разным людям раздать. Считайте, что с вас начали.

— Договорились! — сказала Синди и вышла в форточку. Едва пролезла, потому что была крупной девочкой.

Ручные пираты нежно погладили ее мозолистыми ладошками по головке, стали ждать остальных. Услышав, что Синди договорилась с пиратами, остальные тоже вышли. Из-под кроватей.

До самого вечера жители острова по очереди выходили из домов, подставляли головы. Пираты их гладили. Заглаживали свою вину.

Некоторые, прежде чем подставить голову, забежали к парикмахеру Рубену, просили сделать им красивую прическу, чтобы лучше выглядеть. Последним подставил голову сам Рубен. Из вежливости он самостоятельно постригся наголо и попрыскал себя самым лучшим одеколоном.

Только худенькая кошка не вышла к пиратам, ничего не подставила. Не любила, когда гладят по голове.

«Вот если бы, — думала она, — горлышко почесали, тогда да!»

Вечером жители пригласили ручных пиратов на ужин. За столом пираты сидели прямо, салаты пальцами не хватали, вилки держали в левых руках, а ножи в правых, хоть это и было им пока еще нелегко. Раньше они всегда хватали ножи левыми руками — в правых сжимали сабли. Поужинав, пираты собрались в путь. Жители Эскадо просили их остаться, погостить еще, но пираты сказали:

— Не можем. Торопимся. Спешим дальше. Заглаживать свою вину. Нам ведь еще гладить и гладить.

Прощаясь, пираты вежливо попросили вернуть им хотя бы выкопанные во время поисков полезных ископаемых скелеты. Это были скелеты их верных товарищей. Пираты хотели взять товарищей с собой. На память.

А вместо обнаруженных кладов Синди предложила подарить пиратам побольше золотых эскадо и серебряных эскадушек. Чтоб они, если встретят своих обиженных, могли подбежать к ним не с пустыми руками.

Не всем жителям острова такое предложение понравилось.

Например, хозяин магазина Очень Нужных Вещей Брюк был против. Но на этот раз он остался в меньшинстве. Большинство поддержало Синди. И это хорошо, потому что вскоре Синди очень понадобилась поддержка большинства.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

*Для чего президентам тапочки? Откуда молчать лучше?
За что крепко хватаются? Кто, если не он?*

На следующее утро жителям острова пришла телеграмма. Из Самой Крупной Страны. Телеграмма явилась неожиданно-негаданно, легла на стол и показала всем свое содержание. Содержание было такое:

«Правительство Самой Крупной Страны сообщает, что Его Превосходительство наш Президент собирается нанести вам визит. Не бойтесь, грязи он не нанесет. Наденет тапочки. Передайте своему Президенту, чтоб готовился к встрече с нашим. Пусть купит пять мягких булочек, один крепкий напиток и с нетерпением ждет».

Жители острова Эскадо схватились за свежепоглаженные головы. Нет, они не боялись, что чужой Президент на острове наследит. Им было стыдно признаться друг другу, что покупать булочки с напит-

ком и с нетерпением ждать встречи некому, потому что никакого своего Президента на острове Эскадо нет.

— Надо, чтоб был! — решили жители и еще крепче схватились за головы.

Они не знали, где взять Президента. Откуда берутся дети, знали, а откуда берутся Президенты — нет.

Крупная девочка Синди догадывалась. Но из скромности промолчала.

— Я бы, — предложил хозяин закусочной Блинч, — повесил на всех столбах объявления: «Требуется Президент. С предложениями обращаться ко всем сразу».

— А может, — сказал аптекарь Соломон, — другой способ попробуем? Считалочка одна есть:

«Президентом быть кому?

Выходи по одному!»

Вышел дворник. И сапожник. Вышел пекарь. И художник.

Вышел летчик. И таксист. Клоун, слесарь, пианист.

Полотер, официант, лаборант, пастух, сержант.

Фабрикант, боксер, студент...

Кто остался —

Президент.

Жители острова уже собрались считаться, но тут вмешался директор школы:

— Одна моя учительница учит детей истории, про Президентов все знает. Да вот она стоит. Сама скажет.

Все посмотрели на учительницу истории, которая ничуть не смутилась, крикнула:

— Надо устроить выборы! Пусть каждый покажет, кого он хочет выбрать Президентом. За кого будет большинство, тот и станет. Только если неподходящего выберем — история нам этого не простит.

Чтоб не просить потом всю жизнь прощения у истории, жители острова Эскадо решили неподходящего не выбирать. Договорились выбрать самого подходящего. И выбрали.

Но это оказался не он.

— У нас теперь есть свой Президент, — сообщило всему миру телевидение острова Эскадо.

«А какой он? Расскажите про него поподробней!» — сразу же пришли на телевидение письма от телезрителей всего мира.

— Наш Президент, — стало рассказывать телевидение, — очень важная персона. Президенту можно ездить в своей очень длинной машине, не держась за руль, и гулять по улицам, не надевая брюки.

«Безобразие! — возмутились телезрители всего мира. — Что это вы своему Президенту позволяете? Совсем избаловали. Зачем он ездит, не держась за руль? Он же всех передавит!

— Не передавит! — сообщило телевидение. — Президент не держится за руль, потому что его очень длинной машиной всегда управляет личный водитель.

«Ну, ладно, — написали телезрители. — А зачем же без брюк по улицам гулять? Это неприлично, потому что все видно».

— Ничего не видно! — ответило телевидение.

«Странно!» — удивились телезрители.

Среди других писем пришла телеграмма от Его Превосходительства Президента Самой Крупной Страны:

«Купил ли ваш Президент мягкие булочки и крепкий напиток?»

— Не купил, — ответило телевидение.

«Пусть покупает, я уже скоро приеду».

Президент Самой Крупной Страны прилетел на остров Эскадо в самолете. Спустился по трапу в тапочках, спросил взволнованно:

— Ну, купил он?

— Не купил, — сказали Президенту Самой Крупной Страны.

— Очень жаль! — огорчился Президент. — А почему не купил?

— Потому что не «купил», а «купила». Президент острова Эскадо — крупная девочка Синдирелла купила для вас мягкие булочки и крепкий напиток. Она вас с нетерпением ждет. Идемте на торжественную встречу.

Два Президента торжественно встретились. На улице. Президент Самой Крупной Страны был в белых брюках, а Президент острова Эскадо — в очень приличном розовом платье. Они влезли в длинную машину и, не держась за руль, поехали завтракать. Вместе сели за круглый стол, взяли мягкие булочки, стали пить из чашек крепкий напиток — горячий, свежесваренный чай.

Встреча была долгой. Она шла, шла и прошла в теплой, дружественной обстановке. На высоком уровне. В кабинете у Синдиреллы. На втором этаже.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Без чего получаются безобразия? Кто любимчиком не бывает?
Что принимают по утрам и в чем запутываются по ночам
Президенты?*

Дети острова Эскадо любят, когда им рассказывают про детство Президента.

— Наш Президент, — говорят взрослые детям, — в детстве не дрался, не бил стекол, не стрелял из рогатки, никогда не таскал кошек за хвост.

И это правда. Правда, однажды в детстве Президент плюнул в кабинет директора школы, но потом сам переживал. А директор его простил, когда получил новый кабинет вместе с новой школой.

Кстати, детство у Президента острова Эскадо еще не кончилось, потому что Президент — девочка. Но очень крупная девочка. Достает

книжки с самой верхней полки и с любого шкафа, не вставая на цыпочки, может стереть пыль.

Когда жители острова выбрали Синдиреллу Президентом, они купили ей очень длинную белую машину.

— Хочешь быть личным водителем Президента у меня? — спросила Синдирелла у Пэпэ.

— Хочу. Но вдруг подумают: ты назначила меня, потому что я твой любимчик?

— А я, — ласково взглянула на него Президент, — скажу: «Никакой он не любимчик. Просто любимый».

Синдирелла сидела на заднем сиденье длинной машины, мчалась по острову, а вокруг катились четыре коротких милицейских мотоцикла, на которых сидели сами милицейские в зеленых фуражках. Милицейскими Синдирелла назначила самых смелых пап острова Эскадо.

Несколько дней жители не трогали Синдиреллу, давали ей привыкнуть, потом стали приставать.

— Вы теперь Президент, — сказали жители. — Мы будем про все спрашивать, а вы давайте указы. Разрешайте и запрещайте.

— У меня ножницы затупились, — обращался к Президенту Синдирелле парикмахер Рубен. — Что делать? Можно их наточить или так шелкать?

— Обязательно наточите, — давала указ Президент. — Тупыми ножницами стричься больно. Волосы выдираются.

— А у меня, — приходил хозяин чайной Чань Дзынь, — весь чай выпили. Можно я опять самовар согрею?

— Можно! — разрешала Синдирелла. — Даже нужно.

— Наверно, нельзя в магазине электрические игрушки с разряженными батарейками продавать? — спрашивал владелец магазина Очень Нужных Вещей Брюк.

— Конечно, нельзя! — запрещала Президент. — Мы, дети, обидимся.

С утра до вечера Синдирелле приходилось одно разрешать, другое запрещать. И так все время. Скоро она устала, занервничала, начала путаться.

Однажды, когда ее разбудили среди ночи, спросили, разрешается ли на острове Эскадо кидаться подушками и надо ли вынимать детей из кроваток, сажать на горшочки, когда просят, Президент Синдирелла все перепутала: кидаться подушками разрешила, а сажать на горшочки запретила строго-настрого.

На острове Эскадо стали вспыхивать беспорядки. То тут, то там. Как лампочки в разных окошках. Некоторые жители бегали по острову, толкались, подставляли друг дружке ножку. А когда милицейские их останавливали, говорили:

— Мы вчера ходили к Президенту, она нам разрешила толкаться и ножки подставлять. А в школу ходить запретила.

— Я запуталась! — чуть не плакала Синдирелла. — Больше так не могу.

— И не надо! — советовали ей кукла Пэпэ и учительница истории — они были теперь советницами Президента. — Президент не должен ничего разрешать, запрещать. Он должен только принимать меры. Надо назначить Правительство. Пусть оно разрешает, запрещает.

— Пусть, — согласилась Синдирелла. Позвала всех мам острова Эскадо, сказала: — Вы будете Правительство. Кто лучше мам знает, что можно и что нельзя? Никто не знает лучше. И порядок мамы умеют наводить. Это их любимое дело.

Правительство мам острова Эскадо немедленно приступило к работе, мгновенно прекратило беспорядки. Президент Синдирелла наконец-то свободно вздохнула. У нее сразу появилось много свободного времени, даже удалось два раза не опоздать в школу на уроки.

Синдирелла, хоть и была Президентом, старалась не пропускать школу, хотела получить там, на балконе, образование. Папа с бородой и мама в очках очень этому радовались, восхищались:

— Наша крупная девочка уже сейчас Президент. Представляете, кем станет, когда получит образование?

А худенькая кошка не восхищалась. Вслух ничего не говорила, не решалась огорчать Синдиреллу и не знала человеческого языка. Но в середине души думала: «Бегаю без образования, читать, писать, считать не умею, а молочко в блюдечке — вот оно. Три раза в день наливают».

— Напрасно так считаешь, — говорила ей хозяйка. — Было бы у тебя образование, я бы назначила тебя помощницей Президента, то есть моей. Но без образования получатся одни безобразия. При отсутствии квалификации ты не сможешь отличить кондификации от фальсификации. Даже не догадаешься, что это такое. Нет, без образования назначить не могу.

«А что, — хотела спросить кошка, — тогда молочко будут еще чаще наливать?» Но не спросила — не умела спрашивать по-человечески.

«Если молочка будет больше, — знаками показала кошка, — тогда я согласна».

Президент Синдирелла знаки про молочко не поняла, но заметила: кошка машет лапами, соглашается получать образование. И сразу приняла меры.

В тот же день Пэпэ на длинной машине отвез худенькую кошку в школу, чтобы она там изучила устную человеческую речь и запомнила основные правила правописания. Вокруг длинной машины, как обычно, мчались четыре мотоцикла с милицейскими. Жители острова думали, что это едет Синдирелла, приветствовали ее разными криками. Худенькая кошка раскинулась на заднем сиденье, слушала крики, очень гордилась.

В школе директор сказал:

— Чтобы школьники не отвлекались на кошку, буду заниматься с ней сам. Отдельно. Балконы заняты. Там занятия уже идут. Мы с кошкой пойдем на крышу.

Кошка с директором вскарабкались на крышу школы, приступили к занятиям.

— Повторите, пожалуйста, — попросил директор, — человеческое слово «окошки».

— Кошки, — повторила кошка.

— Для начала неплохо! — похвалил директор. — Теперь повторите человеческое слово «подмышки».

— Мышки! — Кошка облизнулась, добавила: — И птички. И рыбки.

— Вы делаете большие успехи! — радовался за свою ученицу директор. — Теперь скажите сразу два слова: «форточки» и «побегушки»

— Корточки и ушки, — говорила кошка.

Каждый день кошка с директором залезали на крышу. Директор садился на корточки, кошка наостряла ушки, и занятия начинались. Если шел дождь, они прихватывали с собой зонтик, продолжали занятия. Скоро худенькая кошка вполне прилично овладела человеческим языком, а заодно изучила еще несколько: собачий, овечий, лягушачий, индюшачий и свинячий. На каждом из этих языков она не только разговаривала — еще и бегло читала, грамотно писала.

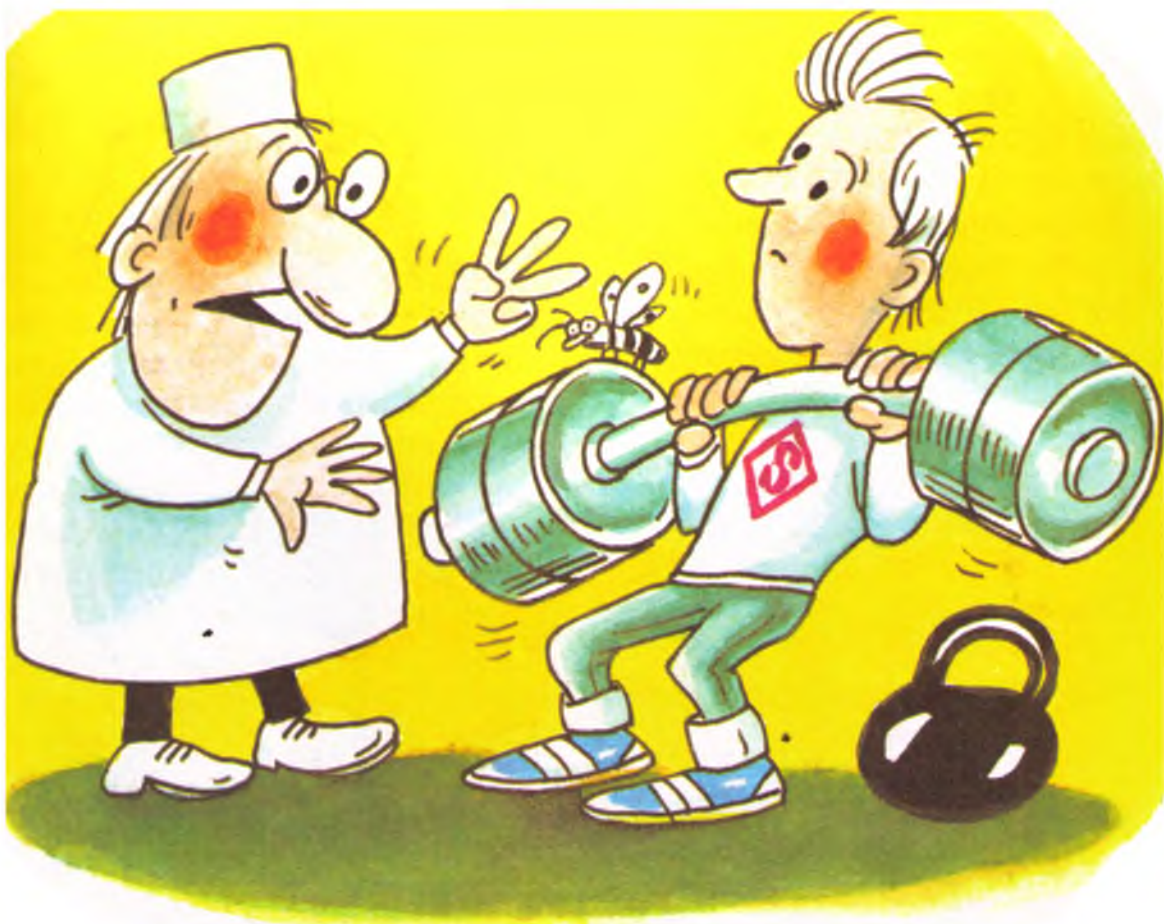
Президент Синдирелла лично проверила кошкины знания, осталась довольна, назначила худенькую кошку своей младшей помощницей. Кошка, конечно, рассчитывала назначиться старшей, но все равно обрадовалась. Теперь она могла помогать своей хозяйке.

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Почему фуражки валяются? Кто покушается с аппетитом?
Как попадают под руку? На кого близнецы не похожи?*

Пэпэ, личный водитель Президента, тоже радовался, что ему почти не надо расставаться со своей любимой Синдиреллой, можно везде ездить вместе в длинной машине. Правда, Пэпэ предпочел бы носить свою любимую на руках, но боялся, сил не хватит. Все-таки Президент была очень крупной девочкой.

Пэпэ часто смотрел по телевизору свежие иностранные новости. Когда показывали Президентов других государств, он придирчиво шурился, сравнивал их с Синдиреллой, говорил:

— Нет, все-таки, наша Синдирелла самый крупный государственный деятель. Симпатичней всех.

Однажды Пэпэ увидел по телевизору плохую новость. Про то, как на толстого Президента одной проголодавшейся страны устроили покушение.

— Опять нечего кушать, — сказали жители этой страны. — Наверно, наш Президент все съел. Устроим на него покушение. Нападем и скушаем его самого.

— Конечно, — подумал вслух Пэпэ. — Жители острова Эскадо вряд ли так сильно проголодаются, но на всякий случай Президента Синдиреллу надо охранять. Ей нужен телохранитель. Стану-ка им я.

— Фигушки! — ласково глядя на Пэпэ, вздохнула кукла его мамы. — Телохранителю нужны стальные мускулы, а у тебя никаких нет. Вот если бы ты каждый день делал зарядку!

Пэпэ начал делать зарядку, бегать вокруг своего домика, поднимать штангу. Когда у него выросли твердые мускулы и в два раза увеличились кулаки, Пэпэ сказал всем:

— Теперь я смогу защитить нашего Президента, даже если на нее устроят покушение пять человек.

— А если их будет шесть? — спросил аптекарь Соломон, который в свободное от работы время любил заниматься математикой.

Пэпэ еще месяц поднимал штангу.

— Теперь, — усмехнулся он, — мне не страшны и шесть человек.

— А если их будет семь? — спросил Соломон.

— Уже не страшны и семь, — пришел еще через месяц Пэпэ.

— А если, — спросил Соломон, — их будет восемь?

Пэпэ смутился. Устал поднимать штангу и бегать с ней вокруг своего домика.

— Не смущай молодого человека математикой, — сказал аптекарь Соломону хозяин чайной Чань Дзынь. — Лучше я покажу ему два-три хороших приемчика. Кто ими владеет — может нападающих не считать.

Овладев приемчиками, Пэпэ пошел к Синдирелле проситься в телохранители Президента. Сначала Синдирелла отказывалась, считала, что никто не будет нападать, но худенькая кошка ее уговорила. И правильно сделала.

Каждое утро на острове Эскадо начиналось с уборки. Все мамы и, конечно, Президент брали тряпки, щетки, веники, ведра с водой и начинали чистить, мыть, протирать камни на берегу, пальмы на холмиках, кусты, цветы, скамейки и вообще все, что попадало под руку. Папам, если они попадали под руку, подравнивали усы и подстригали бороды, детям мыли уши, ноги и шеи. Собакам причесывали хвосты. Дома приводили в порядок изнутри и снаружи. Даже мышам приходилось принимать душ и класть у входа в норки маленькие влажные тряпочки.

К завтраку остров Эскадо от чистоты начинал блестеть и сверкать. Как новенький. А к обеду замусоривался опять.

К сожалению, среди жителей острова было слишком много таких грязнуль, как сестрички Тепа и Тяпа.

По утрам несчастная мама этих девочек умывала их, одевала в одинаковые чистые платица, и сестрички оказывались совершенно неотличимы друг от дружки. Они были близняшки-двойняшки. Но уже через пять минут сестрички очень отличались. Делались сами на себя не похожи, потому что у них по-разному пачкались все щеки, руки, ноги. А платица сверху донизу и даже с изнанки покрывались десятками самых разнообразных пятен.

При этом близняшки пачкали не только себя, но и все вокруг — заваливали свой дом и значительную часть острова разным мусором. Другие части острова заваливали мусором другие грязнули, и к вечеру никаких следов маминой уборки нельзя было найти даже с двумя свечками в руках.

Зато мусора было сколько угодно. Мамы острова Эскадо просто не знали, куда его девать. Спихивать с острова в воду? Рыбы обидятся. Закапывать в землю? Рассердятся червяки. Сваливать в кучу и сжигать? Такой черный дым повалит!.. Во всем мире решат, что на острове Эскадо катастрофа. Образовался вулкан.

Правительство мам пыталось защищать чистоту разными способами: просило, уговаривало, даже принимало закон, чтоб за мусор, брошенный на улице или в доме, брать с грязнули огромный штраф — двести эскадо и еще три эскадушки.

Но Президент Синдирелла, которая вместе с милицейскими папами следила за соблюдением законов, не могла оштрафовать всех грязнуль. Пока Президент и милицейские, теряя зеленые фуражки, гонялись за одним грязнулей, десять других выскакивали на улицы, бежали, бросали по пути то обертку от шоколадки, то фантик от жвачки, то палочку от мороженого, то еще что-нибудь.

— Наши грязнули, — сказала однажды на заседании Правительства мам Президент Синдирелла, — не знают слова «нельзя». Мы принимаем закон — они его сразу нарушают. Каждый день. Тут нужен не просто человеческий закон, а какой-нибудь суровый Закон Природы, который сам штрафует тех, кто его нарушил.

— Давайте обратимся за помощью к науке, — предложила советница Президента кукла Пэпэ.

Младшая помощница Синдиреллы — худенькая кошка немедленно прыгнула в длинную машину, дала указание водителю:

— Пэпэ, вези нас скорее в школу, все науки там.

— Не в школу, — сказала Синдирелла, садясь рядом с кошкой. — Мы поедем к ученому с мировым именем Иннокентий.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ .

*Зачем в подушке гвоздики? Почему суп стынет, а мороженое тает?
Для чего пиджаки чистят? Как соринки валяются?*

Жил на острове Эскадо ученый с мировым именем Иннокентий. Изобретал удивительные вещи и открывал совершенно новые, никому не известные законы природы.

Каждое утро соседи Иннокентия просыпались, с опаской выглядывали в окна. Если из дома ученого валил розовый дым, лезла зеленая пена, летели разноцветные искры, выскакивали длинные пружинки и короткие винтики, сыпались железные стружки пополам с деревянными опилками, раздавались одновременно грохот, шипение, звон, соседи с уважением говорили:

— Наш Иннокентий занят научной работой. Скоро будет успешный результат.

Успешный результат не заставлял себя ждать. Появлялся. Примерно к обеду Иннокентий выносил из дома, складывал возле мусорного ящика новые изобретенные им вещи. За свои изобретения талантливый ученый не брал с соседей никакой платы.

— Не надо платить, — отказывался талантливый ученый. — Кто подошел к моему изобретению ближе чем на пять метров, тот уже поплатился.

Каждый мог взять любую изобретенную Иннокентием вещь просто так и пользоваться ею сколько угодно в свое удовольствие.

Измученные любопытством соседи сбегались со всего острова, подходили к мусорному ящику тесной толпой.

— Вот эта большая подушка, из которой мелкие гвоздики торчат, — спрашивали соседи, — это что?

— Будильник! — объяснял Иннокентий. — Действует надежно и безотказно. С таким будильником никогда ничего не проспешь. Только ложишься — сразу вскакиваешь! Хотите — берите подушку, пользуйтесь.

— Спасибо, — шарахались соседи. — А для чего вон та резиновая длинная трубочка с пятью концами?

— Карманный душ с мылом, — растолковывал ученый с мировым именем. — Берете трубочку, суετε в нее маленькие кусочки мыла, один конец подключаете к водопроводу, остальные четыре кладете себе в карманы. В нижние и верхние, если они у вас есть.

— И что будет? — затаив дыхание, интересовались соседи. — Какой эффект?

— Эффект превзойдет все ожидания! — обещал талантливый ученый.

— А это квадратное? Вон там. Все время подпрыгивает. Оно для чего?

— Это колотилка, — говорил Иннокентий. — Отлично летает по комнате и отскакивает от всех стен. За три минуты все в доме разбивает и переколачивает. Я еще не придумал, зачем эта колотилка нужна, но действует она замечательно. Может, кто-нибудь возьмет?

— Большое спасибо, — пятились соседи. — Можно, мы лучше вон те грабли возьмем.

— Берите грабли, — соглашался Иннокентий. — Очень современный прибор. Последнее слово техники. Если на них наступишь, бьют по лбу не один раз, а двенадцать.

Соседи разбирали изобретенные вещи, расходились по домам, но некоторые задерживались, просили открыть для них какие-нибудь новые законы природы. Или закрыть старые.

Просьбы были разные. Одним не нравилось, что горячий чай обжигается, когда его на коленки прольешь. Они просили закрыть закон природы, по которому кипятки жжются. Другие умоляли открыть такой закон, чтобы нагретый суп всегда оставался горячим, а мороженое не таяло. Третьи настаивали на внесении дополнений в таблицу умножения. Четвертые хотели, чтоб от перемены мест слагаемых изменялась денежная сумма. В лучшую сторону.

Ученый с мировым именем никому не отказывал.

— Сделаю, что смогу, — говорил Иннокентий и почти всегда выполнял свои обещания.

Однажды ближе к вечеру, когда талантливый ученый, закончив научные изыскания, лазил под своим рабочим столом — искал нечаянно упавший туда бутерброд с сыром, чтоб поужинать, к дому Иннокентия подкатила длинная машина.

Машина была такая длинная, что остановилась сразу у трех домов. Ее задние колеса замерли у дома аптекаря Соломона, передние — у дома парикмахера Рубена, а дверцы этой длинной машины оказались как раз напротив окна ученого с мировым именем Иннокентий.

Ученый выглянул в окно, сразу узнал знаменитую машину Президента острова Эскадо. «Интересно, — подумал Иннокентий, — к кому приехала Президент Синдирелла?»

— Могу сделать три научных вывода, — сказал сам себе талантливый ученый. — Вывод первый: Президент Синдирелла приехала к парикмахеру Рубену и хочет постричься наголо. Это маловероятно. Что она, дурочка? Вывод второй: Президент приехала к аптекарю Соломону — хочет купить горчичников, облепиться с ног до головы. Тоже маловероятно. Президент, облепленный горчичниками, не может вызывать уважение. А без уважения ни один Президент не продержится и пяти минут. И наконец, вывод третий: Президент приехала ко мне, хочет вручить мне, талантливому ученому с мировым именем Иннокентий, несколько Больших Золотых Медалей за успехи в непосильном умственном труде.

Третий вывод так понравился Иннокентию, что он забыл про

упавший под стол бутерброд, схватил одежную щетку, стряхнул с пиджака крошки и пыль — приготовил у себя на груди чистое место для Золотых Медалей. Потом ученый высунулся по пояс в окно, стал ждать дальнейших событий.

Сначала из длинной машины выглянул личный водитель и телохранитель Президента Синдиреллы Пэпэ. Он стремительно огляделся, не прячутся ли поблизости какие-нибудь проголодавшиеся. Убедившись, что никто не целится в Президента вилками, водитель широко открыл дверцу длинной машины, выпустил худенькую кошку. Потом стал выпускать мам острова Эскадо. Мамы шли и шли. Одна за другой.

Высунувшийся из окна Иннокентий догадался, что Синдирелла приехала к нему не одна — привезла с собой все Правительство мам острова Эскадо. Вслед за последней мамой из машины выпрыгнула и сама Президент.

— А где Золотые Медали? — закричал Иннокентий, увидев, что Синдирелла выпрыгнула с пустыми руками.

— В багажнике! — сказала Синдирелла, задрав голову. — Я привезла полный багажник золотых медалей и орденов, дорогой Иннокентий, и вы получите их все, если выполните государственный заказ — откроете нам очень нужный Закон Природы.

— Да! — торжественно подтвердили хором мамы острова Эскадо — они тоже задрали головы, с надеждой смотрели на по коленки высунувшегося из окна ученого.

— Эй! А вы не грохнетесь из окна?! — озабоченно предостерег Иннокентия телохранитель Пэпэ.

— Не! — сказал Иннокентий.

Перед тем как высунуться в окно, он надел специально изобретенные для таких случаев ботинки. Ботинки эти были крепко и давно прибиты длинными гвоздями к подоконнику, служили надежной защитой от сурового закона природы, по которому каждый высовывающийся в какое-нибудь окошко глубже чем по пояс обязан был выпадать из того же самого окошка целиком.

— Готовы ли вы, Иннокентий, — торжественно спросила Президент Синдирелла, — выполнить государственный заказ?

— Готов! — откликнулся Иннокентий. — Заказывайте!

Мамы острова Эскадо радостно переглянулись. И загалдели.

Каждое утро они все во главе с Президентом берутся за уборку: не жалея сил, моют, трут, убирают, стирают, полощут и чистят. Каждое утро к завтраку, вымытый мамами, остров Эскадо сверкает

как новенький, потому что на всем острове нет ни соринки. А потом...

— Что потом? — спросил Иннокентий.

Потом кто-нибудь ее бросает. Да, кто-то бросает самую первую соринку. Вслед за первой кто-то бросает вторую. И третью. Соринки валяются одна за другой. Вслед за соринками кто-то швыряет первую обертку от жвачки, первый фантик, потом летит второй... и вот уже мусор сыплется на чистое со всех сторон.

— Мы просили не мусорить, мы уговаривали, мы умоляли, мы требовали, мы запрещали. Но никто нас не слушает. Нам нужен закон. Закон Природы. Очень суровый.

— Хорошо! — торжественно сказал ученый с мировым именем Иннокентий. — Открывайте багажник, вынимайте золотые медали и ордена. Награждайте меня. Я открою такой закон.

Мамы толпой кинулись к багажнику длинной машины, но Синдирелла взмахнула рукой, и все замерли.

— Сначала, Иннокентий, вы откройте закон, — сказала Президент, — а потом мы откроем багажник.

Всю ночь ученый с мировым именем трудился над новым научным открытием.

— Вот, например, — логически рассуждал ученый, — есть закон всемирного притяжения. Он гласит: «Бросьте что-нибудь вверх, и оно упадет вниз. Прямо на вас». Суровый, но справедливый закон. Нужно что-нибудь похожее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кого награды ищут? Зачем таксам электричество?

Что уронили народные массы и что затаило Правительство?

Утром талантливый ученый сам пешком вошел в кабинет Президента, весело крикнул:

— Открывайте багажник! Я уже открыл!

— Что вы открыли? — с надеждой спросили мамы, собравшиеся после уборки в кабинете Президента.

— Я открыл закон всемирного притяжения мусора к тому, кто его бросил. Закон уже действует. Можете сами в окошки поглядеть.

Все кинулись к окнам, увидели жуткое зрелище.

Как раз в это время под окнами Президента проходило большое народное гуляние. Гуляли два лучших друга, Женя и Джонни. Оба прогуливали школу и, чтоб приятней провести время, одновременно жевали жвачку, сосали леденцы, лизали мороженое, кусали шоколадки, грызли орехи.

Навстречу двум лучшим друзьям выгуливала свою черную таксу Ваксу одна белокурая бабушка. Бабушка не жевала жвачку, ничего не грызла, потому что забыла дома свои искусственные зубы. Зато она курила длинную сигарету с фильтром, пускала вокруг себя дым, а такса Вакса глодала предусмотрительно захваченную из дома косточку. Кроме этих четверых, щелкали семечки, совершали прогулки в разные стороны и другие народные массы. Их высунувшееся из окошек Правительство разглядеть не успело. На улице началось нечто невообразимое.

Женя и Джонни одновременно бросили на землю две шоколадные

и две жвачечные обертки, две палочки от мороженого, два пакетика от леденцов, четыре ореховые скорлупки. Все это долетело до земли, тут же от нее отскочило, прилипло обратно к лучшим друзьям. Ошеломленные друзья завертелись вокруг друг друга, хотели оторвать от носа пакетики, выковырять из ушей палочки, стряхнуть со щек скорлупки. Но не тут-то было.

— Видали? — гордо похвастался Иннокентий. — Законно. И это еще не все!

Это действительно было еще не все. Все только начиналось. Пока друзья безуспешно стряхивали и выковыривали, такса Вакса выплюнула обглоданную косточку, подняла ножку у первого попавшегося электрического столба. А белокурая бабушка кинула под этот же столб непогашенный окурок с фильтром.

Через миг Правительство, затаив дыхание, наблюдало, как улепetyвают со всех ног такса и бабушка. За быстроногой парочкой, шипя, рассыпая искры, стремительно гнался окурок с фильтром,

рядом со свистом летела косточка, а вслед за ней, не отставая ни на шаг, мчалось то, что оставила под электрическим столбом такса Вакса.

Прочие народные массы, преследуемые шелухой от семечек, тоже быстро разбежались. Улица осталась пустой.

И совершенно чистой.

— Где медали? Где ордена? — спросил ученый с мировым именем, расправляя грудь, чтоб на ней получилось больше чистого места.

Награжденный медалями, орденами, Иннокентий уехал домой на машине Президента. Пешком бы не дотащил.

Но на следующее утро Правительство мам во главе с Синдиреллой снова стояло под окном ученого с мировым именем.

— Да, — сказали мамы, — ваш Закон Природы непрерывно действует. Остров совершенно чист. Как стеклышко. Зато половина жителей черт знает чем облеплена. С ног до головы. Некоторых вообще не видно. А Тяпу и Тепу в мусоре просто невозможно найти. До сих пор ищут.

— Ничего, найдутся. Кто ищет, тот всегда найдет, — улыбнулся благодушно настроенный Иннокентий, покачиваясь на подоконнике в своих ботинках и позвякивая медалями.

Но мамы были настроены иначе. Президент тоже.

— Закон ваш, — сказала Синдирелла, — замечательный, только нам не подходит. Сил у нас не хватает мусор от жителей отрывать, мыть их с мылом. И мусора меньше не стало. Не знаем, куда девать. Закройте, пожалуйста, закон. Что-нибудь другое придумайте.

— А другие медали, ордена у вас есть? — поинтересовался талантливый ученый.

Иннокентию обещали полный багажник медалей, орденов, и он прямо с подоконника бросился в научную работу. Окунулся в нее с головой. С воодушевлением погрузился в теоретические изыскания.

Иннокентий вообще никогда не одобрял поверхностных взглядов, многим своим коллегам-ученым частенько кричал: «Мелко плаваете!» Сам же Иннокентий плавал ужасно глубоко.

Довольно долго его совсем не было видно. Из бездны знаний прилетали одни пузырьки. Потом всплыло и закачалось кверху брюхом несколько опровергнутых теорий.

Часа через два из пучины размышлений, отфыркиваясь, вынырнул и сам ученый. В руках он держал крупную свежую научную идею. Идея трепыхалась, зевала и была талантливого ученого по пухлым щекам упругим хвостом.

— Вот! — вскричал Иннокентий, размахивая свежей идеей. — Это будет мой весомый вклад в теоретическую науку.

Мокрый до последней нитки, Иннокентий вытер пот со лба, снял пиджак и закинул его из окна на крышу. Сушиться.

— А где практический результат? — спросило ученого переминаящееся с ноги на ногу под его окном Правительство.

— Сейчас! Сейчас применим теорию на практике. Вот только в сарай сбегая.

Из сарая Иннокентий принес кучу разных веревочек, проводов, дощечек, быстро сконструировал и сколотил большой черный ящик в виде бочки.

— Теперь, — велел он, — мусор тащите.

Мамы побежали, принесли с трудом оторванный от жителей острова мусор, побросали перед бочкоящиком. Иннокентий взял веник, совок, стал закидывать мусор внутрь. Бочкоящик задрожал дикой дрожью, загудел. Мамы попятились. Внезапно бочкоящик высоко подскочил, упал, замер. Из него вместо мусора во все стороны полетели разные полезные вещи: семь зубных щеток, чайный сервиз на девять персон, несколько школьных учебников по математике и невероятное количество расчесок. Больших и маленьких.

— Перед вами, — спокойно сказал Иннокентий, — Эффективная Помойная Превращалка. Сыплете мусор — лезут полезные вещи. А можно наоборот, — вдруг воодушевился ученый. — Если полезных вещей напихать, тогда...

— Стоп! — быстро сказала Президент Синдирелла. — Спасибо, дальше не надо. Мы уже все поняли.

Синдирелла вынула из багажника длинной машины длинную связку новых медалей, орденов, вручила Иннокентию.

Ученый с достоинством поблагодарил Президента, покашлял, сказал речь:

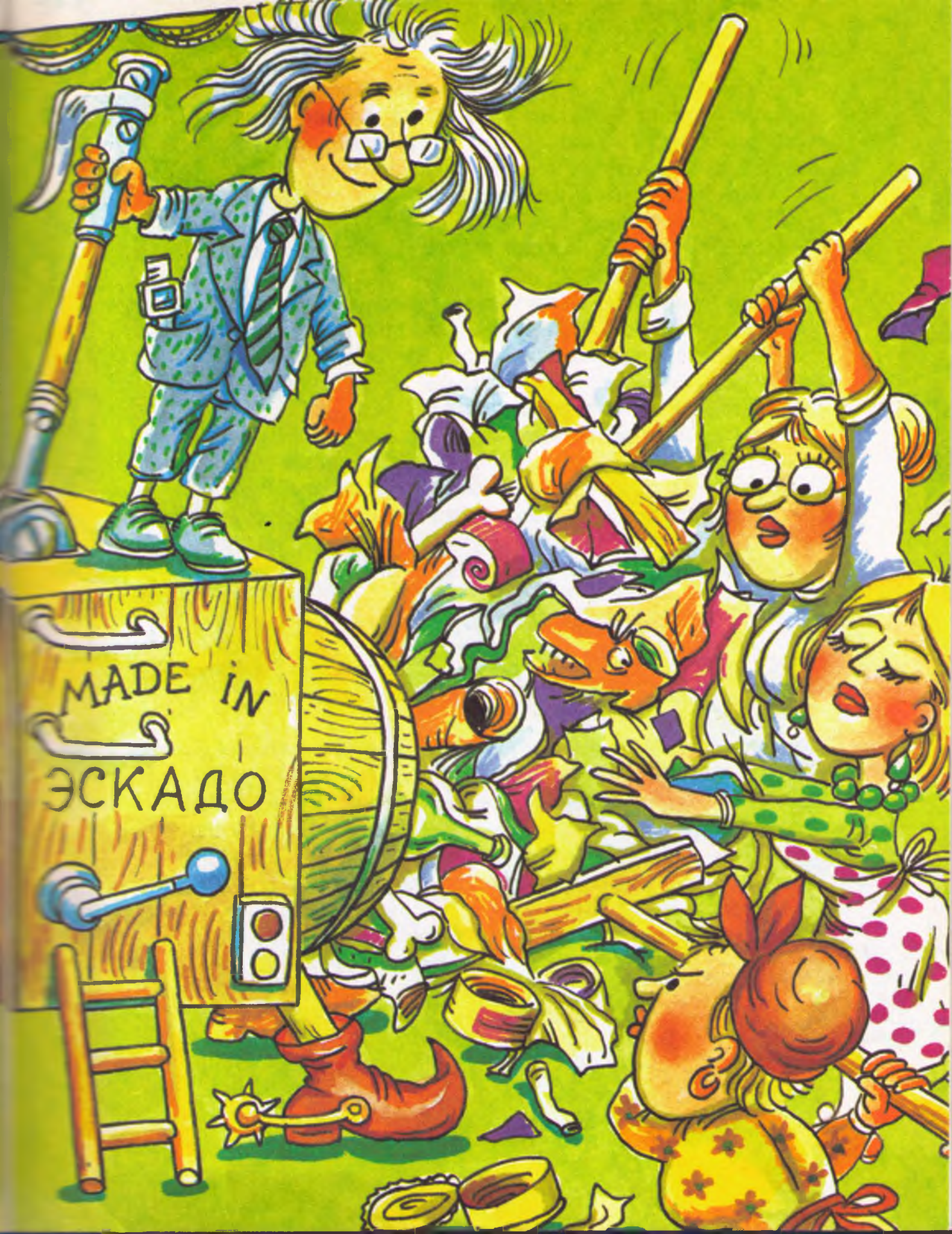
— В детстве я часто ходил в школу, почти каждый день. И вот наконец меня нашла награда. Искатель всегда найдетель... Кстати, Тяпа с Тепой нашлись?

Тяпа с Тепой нашлись, как только Иннокентий закрыл закон всемирного притяжения мусора к тому, кто его бросил. Мусор отпал, и счастливая мать сразу обнаружила своих дочек.

Дочки обещали ей сорить гораздо меньше.

— Мы будем начинать теперь на час позже, — сказали сестрички и свое слово сдержали.

Помойная Превращалка сильно облегчила мамин труд. И хотя жители острова по-прежнему мусорили направо и налево, теперь было ясно, куда мусор девать. В Превращалку. Правда, никто никогда не знал, что из нее вместо мусора вылетит.

— Сегодня, — гадало Правительство мам, — наверно, карандаши полезут с эмаллированными кружками.

И ошибалось. Выскакивали вешалки с утюгами. И детские книжки с картинками.

Все выскочившее Правительство за небольшую цену продавало владельцу магазина Очень Нужных Вещей Брюку, чтоб он за чуть-чуть большую цену распродал это жителям острова. Полученные деньги Правительство мам тратило на ежедневные бесплатные пирожные для детей острова Эскадо.

Дети кушали пирожные, взрослые покупали нужные вещи, а между тем к острову Эскадо снова кое-что приближалось. Неотвратимо. Это «кое-что» плыло на неопрятном пиратском корабле и было новыми, никому не знакомыми пиратами. Командовал ими один старый знакомый адмирала Шприца. Здоровенный капитан Плинтус с искусственной ногой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Что хватают ни в чем не повинные? Как чистюли сморкаются?

Когда порядок дорожке? Куда зеленка льется?

Как обычно, к завтраку остров Эскадо от чистоты блестел и сверкал. Как самое настоящее сокровище. Пиратские матросы капитана Плинтуса — они только что позавтракали и сидели на мачтах своего корабля, высматривали добычу — заметили сверкающий остров, тут же наябедничали капитану хором:

— Товарищ капитан, прямо по курсу сокровища! Золото видим! На бриллианты смотрим!

Их пиратский капитан Плинтус дремал после завтрака посреди палубы, на своей походной самоходной кровати, лениво шевелил пальцами левой искусственной ноги. По огромному пузу капитана прогуливался его личный попугай Полиглот, владеющий тремя с половиной языками.

Услышав про золото и бриллианты, попугай радостно выругался на двух языках, лапкой пнул капитана в пупок.

— Где? — спросил капитан Плинтус, открывая свой естественный глаз — другой, искусственный, у него никогда не закрывался.

— Вон там! Там! — обеими руками показали пиратские матросы и попадали на палубу.

— Тьфу! — плюнул на ту же самую палубу капитан. — Сколько раз говорено: показывать обеими руками, сидя на верхушке мачты, все равно что задирать обе ноги — сразу шлепнешься! Ну что вы там увидели?

— Сокровища! Ты сам погляди!

Но Плинтус поленился глядеть сам. Послал попугая.

Полиглот взмыл над мачтами пиратского корабля, как шпионский самолет, помчался к сверкающему острову. Назад попугай вернулся огорченный и расстроенный.

— Ну? — жадно спросили матросы. — Чего больше: бриллиантов или золота?

В ответ попугай выругался на одном языке, махнул крылом:

— Всего меньше. Ничего нет. Не сокровища там. Просто гражданский остров с местным населением.

— А блестит почему? Зачем сверкает? — удивились матросы.

— От чистоты сверкает. И от порядка блестит. Не то что у нас на корабле: паруса не стираны, якорь заржавел, по палубе пройти нельзя — по коленки в фантиках ходим.

Полиглот считал себя большим чистюлей, потому что сморкался только в крыло и перед обедом всегда вытирал лапки о скатерть.

— Ладно тебе, — обиделся за свой корабль капитан Плинтус. — Видали мы это сверкание. Подумаешь, блеск. Небось мусор вениками под диваны затолкали и радуются. Знаю я эту чистоту!

— А вот не знаешь! — фыркнул попугай. — На всем острове ни соринки.

— Спорим, найду! — И капитан Плинтус соскочил с походной кровати, топнул своей естественной ногой, заорал во все свое луженое горло: — Подать сюда мою позорную трубу!

У капитана была длинная, очень увеличительная, чрезвычайно позорная труба. В эту трубу капитан в свободное от грабежа и бандитизма время часами издали подглядывал за ничем не подозревающими, ни в чем не повинными людьми, надеялся увидеть, как они в чем-нибудь провинятся. Надо признать, капитану Плинтусу иногда везло: ни в чем не повинные люди вдруг вытирали грязные руки чистым полотенцем, дергали чужую кошку за хвост,

лезли в бабушкино варенье своей ложкой или хватали, думая, что их никто не видит, из общей коробки лишнюю конфету... Тут-то капитан Плинтус их и позорил!

Теперь, надеясь найти мусор под диванами или пыль где-нибудь за углом, Плинтус с самой высокой мачты своего корабля внимательно осматривал остров Эскадо. Но нигде не было ни соринки.

Плинтус стал заглядывать в окна — внутри домов тоже царила идеальная чистота. В одном из окон капитан увидел двух одинаковых девочек в чистеньких платицах и белых носочках. Девочки с закрытыми глазами сидели на маленьких стульчиках, почти не шевелились. Плинтус поморщился — терпеть не мог не шевелящихся девочек в чистеньких платицах. Шевелящиеся девочки в грязненьких патицах ему тоже не слишком нравились, но их он все-таки терпел, а чистеньких — нет.

Если бы Плинтус знал, на кого смотрит! Плинтус смотрел в свою позорную трубу на близняшек-двойняшек Тепу и Тяпу. Да, девочки-двойняшки смирно сидели на стульчиках, но это потому, что теперь каждый раз после утренней уборки сами на целый час привязывали

друг дружку к стульчикам и закрывали глаза, чтоб удержаться, не навести за пять минут в доме жуткий беспорядок. Двойняшки считали, что сразу после уборки чистоту и порядок лучше не трогать: в эти минуты они маме особенно дороги.

Примерно через час Тяпа с Тепой перегрызали веревки, открывали глаза, бросались на чистоту и порядок, как два расвирепевших бегемота.

Несчастливая чистота пыталась спастись хотя бы на потолке, бедный порядок мечтал сохраниться хоть в запертых ящиках комода, среди аккуратно сложенных наволочек, но близняшки и там все переворачивали, а на потолке оставляли невообразимо разноцветные пятна и неизвестно как прилипший пластилин. Оскорбленная чистота и обиженный порядок кричали, что им плюнули в глубину души,

и клялись друг другу никогда не возвращаться в этот дом и вообще на этот остров. Но на следующее утро мамы снова дружно брались за уборку — и все повторялось опять.

Короче говоря, если бы капитан Плинтус смотрел на остров Эскадо не сразу после уборки, а немножко позднее, ближе к обеду, он бы, конечно, увидел, как потихоньку отрастают у пап усы и бороды, пачкаются у детей шеи, руки и щеки. Он бы заметил, как проливается на скатерть молоко, а на ковер зеленка. Он бы углядел, как понемножку исчезает сверкание и тускнеет блеск, наведенный мамами с утра. И успокоился. Но капитан смотрел в свою позорную трубу как раз в тот час, когда, пораженные наведенным мамами порядком, все на острове, в том числе и мыши, ходили на цыпочках, не смели чистоту нарушать. Поэтому Плинтус тоже был поражен увиденным, его позорная труба не смогла показать никакого позора.

— Ну как? — с нетерпением спросили матросы.

— Ничегошеньки! Просто жуть. Страшная чистота! — В отчаянии капитан отпустил верхушку мачты, на которой сидел, всплеснул обеими руками и, тут же уронив позорную трубу, грохнулся на палубу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Из чего составляют коварные планы? Как деньги гладят?
Кто в голове хихикает? Стоит ли грабить честных?*

К счастью, труба не треснула, зато Плинтус треснулся головой, и ему сразу пришла в голову одна счастливая мысль. Это была еще не зрелая, но уже очень веселая, хитренькая мыслишка. Она хихикала, подмигивала, корчила рожицы и обещала Плинтусу много разнообразных развлечений.

Вместе со своей незрелой мыслью Плинтус заперся в капитанской каюте, никого к себе не пускал. Наконец мысль созрела. Хихикая вместе с ней, Плинтус вышел из каюты, велел Полиглоту свистать всех наверх. Полиглот засвистал на двух языках. Все прибежали. Плинтус сказал речь.

— Товарищи матросы, — сказал Плинтус, — ни от кого не секрет, мы пираты. Это научный факт.

Все матросы захлопали в ладоши. Попугай тоже. Крыльшками. Когда аплодисменты стихли, Плинтус вдохновенно продолжил.

— В последнее время, — сказал Плинтус, — мы все трудолюбиво поработали, грабили не покладая рук. И добились хороших результатов. У нас полный погреб, то есть трюм, денег.

— Точно! — закричали матросы. — До самого верха корабль деньгами набит. Уже и класть больше некуда.

— А что мы купили себе на эти деньги? — с горечью спросил Плинтус. — Что?

— Ничего не купили! — всхлипывая от обиды, закричали пиратские матросы. — Хотели недавно жвачки купить, воды с пузырьками. Приплыли в один порт, в магазин зашли, деньги вынули, а продавец говорит: «Фу, какие у вас деньги грязные, мятые, комканые. Они у вас, наверно, в трюме валялись, вы, наверно, пираты. Ну-ка признавайтесь!»

— И что мы сделали? — спросил Плинтус.

— Признались. И убежали, — напомнил попугай Полиглот. — Ты, капитан, впереди всех и убежал.

— Убежал, — согласился Плинтус. — Зато теперь ко мне пришла счастливая мысль.

— А где она? — спросили пираты, оглядываясь.

— Там! — хихикнул капитан и немножко посверлил пальцем свою лысину. — Скоро я вас с нею познакомлю.

Пиратская команда, предвкушая приятное знакомство с хихикающей мыслью капитана, тоже захихикала.

— Сейчас, — сказал Плинтус, — мы составим коварный план. Из двух частей. Мы возьмем...

— Что возьмем? — изнемогая от любопытства, хихикали пираты.

— Возьмем все наши награбленные денежки и выкинем.

Пираты немедленно перестали хихикать, испугано захлопали глазами.

— Не пугайтесь! — успокоил их капитан. — Это только первая часть коварного плана. Есть вторая. Мы денежки не просто выкинем, мы их выкинем на берег чистенького острова. Свалим в кучу, положим записку: «Это вам подарочек».

— Нам подарочек? — обрадовались пираты. — Ура! Нам подарочек!

— Да не вам, — рассердился попугай Полиглот, который давно уже все понял. — Это будет жителям чистенького острова подарочек.

— А что, — спросили пираты, — у них день рождения, да?

— Нет! — закричал Плинтус. — Не день!

— Ночь? — удивились пираты.

— Слушай, Полиглот, — попросил капитан попугая. — Растолкуй ты им на каком-нибудь другом языке, а то они своего не понимают.

— Эх вы, недотепы! — стал растолковывать попугай. — Мы денежки выкинем, они подберут, себе возьмут, увидят, что грязные, и отмоют, постирают. Наверно, еще и утюгом погладят. Нежно. И станут наши денежки чистые, красивые, шуршащие, новенькие. Не денежки будут — загляденье. Ясно?

— Ясно! — сказали пираты и глубоко задумались.

До самого вечера они ходили по кораблю тихие, задумчивые и все поглядывали на капитана.

Ночью пиратский корабль подкрался к острову Эскадо, вывалил на берег грязную кучу денег. Сверху пираты положили записку про подарок.

Проснувшись поздно утром, Плинтус первым делом схватил позорную трубу, заглянул в нее естественным глазом. Грязной кучи денег на берегу сверкающего чистотой острова не было.

— Ага! Ключули!— крикнул радостно капитан.

— Небось стирают уже, — мечтательно протянул попугай Полиглот, стоя на голове своего капитана и тщательно вытирая лапки о его лысину.

— Товарищ капитан, — подошли к Плинтусу матросы. — Мы тут подумали, спросить хотим.

— Спрашивайте, — благосклонно разрешил Плинтус.

— А как же мы денежки эти чистые назад получим? — поинтересовались пираты.

Такого вопроса Плинтус не ожидал. Про то, как получить чистые денежки назад, он как раз и не подумал. Капитан почувствовал, что в его коварном двухсерийном плане не хватает третьей части. Самой главной. Широко открыв рот, растерянный капитан в ужасе зажмурил естественный глаз, а искусственным уставился на попугая.

— Пустяки, — утешил всех Полиглот. — Вы что, забыли? Мы же пираты. Ограбим. Отнимем. Или просто так украдем. Не впервой.

— А зачем отнимать, грабить? — подумав, лениво сказал капитан Плинтус. — Только работу лишнюю делать. Лучше приплывем и скажем: «Отдавайте назад наш подарочек, мы его дарить передумали». Они, жители, люди честные, не пираты. Сразу же отдадут.

А местные жители Эскадо ходили по своему сверкающему чистотой острову, мусорили понемножку тут и там, не знали, что их ждет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Как проходят стычки?

Что лучше сделать, чтоб хуже не было?

Чего не защищают и почему не облизываются телохранители?

В это утро после уборки Президент Синдирелла, как обычно, сидела за своим круглым столом, смотрела самые свежие новости. Не по телевизору. Президентам полагается знать новости раньше всех, чтоб они, если что, могли быстро принять какие-нибудь строгие меры. Поэтому теледикторы сами по очереди входили в кабинет Президента, рассказывали, что где случилось.

— На острове все хорошо... — Красивый диктор с длинной челкой сообщал новости сельского хозяйства и природы. — Рыбы, — говорил он красивым голосом, — плавают, коровы пасутся, козы тоже, птички

поют, бабочки летают. Ночью шел дождь, но лужи уже высохли. Температура у всех нормальная. Пострадавших нет.

Другая дикторша, с круглыми бусами на шее, рассказывала Президенту про домашнее хозяйство.

— Котлеты жарятся, полы подметаются, носки стираются. Многим сегодня на завтрак давали блинчики, а некоторые пили чай с манной кашей. Посуда после завтрака в основном вымыта, хотя... — Дикторша вздохнула, и ее круглые бусы зазвякали. — Кое-где осталось несколько грязных тарелок.

Про детские новости рассказал пожилой диктор с усами.

— Ситуация в школах, — сказал диктор очень спокойным голосом, — остается нестабильной, но обстановка в детских садах нормализуется.

В горячих точках сохраняется напряжение. Сегодня с утра во дворах, на детских площадках продолжались стычки между мальчиками и девочками. Сто пятьдесят мальчиков дернули за косички двести восемьдесят пять девочек. Восемьдесят дернутых заревели, остальные дали сдачи.

Президент внимательно слушала, кивала, кое-что записывала в тетрадку. Потом сказала дикторам:

— Спасибо. Теперь бегите скорей на телебашню, передайте это всем. Люди хотят знать свежие новости. Пока не остыли.

Дикторы побежали, только один обернулся, сказал:

— А к нам пираты приехали.

— Опять? — удивилась Президент. — Еще хотят по головкам гладить?

— Другие пираты. Новые. Те были воспитанные, а теперешние ругаются, глупости говорят. Эти по головке не погладят.

Через минуту Президент Синдирелла уже мчалась в своей длинной машине к месту происшествия. Там, у самого берега, действительно болтался в воде неопрятный пиратский корабль. Пираты свешивались со своего корабля, размахивали грязными руками, ругались с толпящимися на суше жителями.

— Отдавайте, отдавайте! — требовали пираты.

— Нечего нам отдавать, — отвечали жители.

— О чем спор? — спросила Президент, выходя из машины.

— О подарке, — сказали жители. — На день рождения. Эти пираты хотят свой подарок назад забрать.

— Подарки, — покачала головой Президент, — назад не забирают. Это стыдно. Так друзья не поступают.

— А мы не друзья, — обиделись пираты. — Мы враги. Нам не стыдно. Пускай отдают.

— Ну и отдайте им, — сказала Президент жителям острова. — Раз они такие. Отдайте им их подарок. Чтоб не связываться.

Тут обиделись жители.

— Не связывались мы с ними! Даже близко не подходили. Ничего они нам не дарили. У нас и дня рождения-то давно не было. Не брали никаких подарков.

— Врут, врут! — замахали грязными руками пираты. — Брали, брали! Пускай отдают.

— Это вы врете! — сказали жители.

— Мы не врем! Вот у нашего капитана спросите.

Капитан Плинтус свесился с борта корабля, топнул искусственной ногой, сверкнул естественным глазом, сказал:

— Пираты мои не врут. Они дарили. Я сам видел.

— И я смотрел! — подтвердил стоящий на лысине капитана попугай Полиглот. Он тоже топнул ножкой.

Президент Синдирелла не знала, кому верить. Задумалась.

— Пусть лучше отдают! А то хуже будет! — угрожающе намекнул Плинтус.

— Гораздо хуже! — подтвердил Полиглот.

Младшая помощница Президента — худенькая кошка выглянула из длинной машины, внимательно посмотрела на Полиглота, облизнулась. Пэпэ, водитель и телохранитель Президента, тоже выглянул, посмотрел на капитана Плинтуса, но облизываться не стал.

— Я, — сказала Синдирелла, подумав, — верю своим жителям, потому что они выбрали меня Президентом. А вам не верю. Уплывайте отсюда поскорей. Не морочьте нам голову.

Пираты ахнули. Они были оскорблены до глубины души. До самого доньшка. Причем совершенно искренне. Впервые в жизни пираты сказали правду. Действительно, они оставили на острове кучу с запиской про подарочек. И вот теперь их, пиратов, взяли и обхитрили честные жители. Пираты были твердо уверены, что все должно быть наоборот.

От неожиданности они забыли про свои сабли, не напали на жителей, только стояли и ругали всех подряд.

— Все вы, — кричали пираты, — жулики! Вместе со своим Президентом. Нет у вашего Президента ни чести ни совести, потому что он девчонка.

— Слышишь? — сказала худенькая кошка Пэпэ. — Речь идет о чести и совести Президента. Иди защищай.

— Не имею права, — вздохнул Пэпэ. — Свою честь и совесть Президент по правилам должна защищать сама. Я только телохранитель. Под моей охраной тело: руки, ноги, живот, голова. А это все пока не трогают.

— Скоро тронут, — пообещала кошка — и не ошиблась.

Обиженным пиратам хотелось как-нибудь покрепче обидеть жителей острова, они закричали:

— И ноги у вашего Президента тощие, косолапые. И руки — крюки. И голова вся веснушчатая. С носа до ушей.

Услышав про ноги и голову Президента, телохранитель Пэпэ тотчас выскользнул из машины, прыгнул на борт пиратского корабля.

— А ну повторите, что сказали! — мрачно потребовал Пэпэ, подступая к пиратам.

Пираты попятились.

— Повторять? — спросили они своего капитана.

— Повторяйте, — разрешил капитан Плинтус. — Интересно, что этот молодой человек нам сделает.

Пираты внимательно посмотрели на Пэпэ, разглядели его тяжелые кулаки и стальные мускулы, сказали:

— Нет, нам не интересно. Мы лучше не будем повторять. А то еще драться придется.

— Эх, вы! — пристыдил пиратов Плинтус. — Про драку не может быть и речи. Вас много, а он один, вы с саблями, а у него голые пальцы. В таких случаях не дерутся. Просто бьют. Смотрите, как поступать надо!

Плинтус выхватил саблю, замахнулся на Пэпэ. В ту же секунду Пэпэ протянул голые пальцы, применил приемчик, который показал ему владелец чайной Чань Дзынь. В результате сабля капитана, как праздничная ракета, взлетела высоко над кораблем, булькнулась в воду, а сам капитан полетел в другую сторону. Попугай Полиглот хотел устоять на капитанской лысине, изо всех сил вцепился в нее когтями, не устоял, полетел в третью. Остальные пираты сами кинулись в четвертую сторону. Очень быстро убежали в дальний конец корабля и там очень хорошо спрятались.

Пока они прятались, попугай Полиглот удачно завершил свой полет, благополучно приземлился на палубу. Капитан Плинтус тоже завершил полет, треснулся об мачту.

— Чтоб я вас тут больше не видел! — хмуро сказал Пэпэ и спрыгнул с пиратского корабля на свой остров.

Треснувшемуся об мачту капитану сразу же пришла в голову отличная мысль. Пришла и закричала: «Отдать концы! Поднять якорь! Полный вперед! Давай скорей удирать отсюда!»

Капитан не стал возражать, и пиратский корабль как ужаленный отскочил от острова Эскадо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*За что ногами пинают? Где собираются с мыслями?
Почему осьминоги хохотали, а денежки плакали?*

— Плакали наши денежки, — вздыхали пиратские матросы, оглядываясь на остров.

Попугай Полиглот тоже вздыхал, всхлипывал, сморкался в крыло. Ему было ужасно жалко денежки, которые, как он думал, лежат теперь сиротливо в чьих-то чужих карманах, горько плачут.

Капитан Плинтус ездил по палубе на своей походной самоходной кровати, пинал пиратов левой, искусственной ногой, приговаривал:

— Вот вам! И вот! И вот еще!

— За что? — увертывались от левой ноги пираты.

— За то, что меня, капитана своего, не защищали! За то, что хорошо спрятались! Я вас целый час найти не мог!

Увернувшись от левой, искусственной ноги капитан пинал правой, естественной. Он был жутко печален, тосковал по утонувшей сабле, до самого вечера заставлял пиратов нырять, искать утопленницу на дне. На ощупь. Пираты обшарили дно, до полусмерти зашекотали трех осьминогов, натаскали полкорабля ракушек и раковин. Саблю так и не нащупали. Она как сквозь воду провалилась. Куда-то канула.

Вечером круглое, красное солнце плюхнулось в теплые морские волны, тоже кануло. Установилась ночь. Пираты захрапели. Не спали только Плинтус и Полиглот, думали, как вернуть подаренные денежки.

— Давай украдем эту девчонку-Президента, — предложил попугай. — Украдем, но поменяемся. Они нам наши денежки, мы им их Президента.

— Надо пораскинуть мозгами! — сказал Плинтус, подошел к мачте, изо всех сил треснул головой.

— А? Что? — повскакивали пираты.

— Ничего! — успокоил их капитан. — Это я думаю!

— Нельзя ли потише? — спросили пираты.

— Нельзя! Спите так, — сказал капитан и еще два раза треснул.

Мозги капитана скрипнули, и в его голову крадучись вошли сразу три мысли. Плинтус кинулся в свою капитанскую каюту, собрался там с мыслями, внимательно их выслушал.

— Нет, — шептала первая. — Президента воровать не надо. Сам видел, какой у нее телохранитель. Драчун и грубиян. Ты лучше воруй того, у кого телохранителя нету.

— Например, — подсказывала вторая, — тех двух чистеньких близняшек на стульчиках. Прямо со стульчиками и укради.

— А если, — подучивала третья мысль, — жители денежки не отдадут, мы этих близняшек чистеньких утопим. В грязной воде. Вместе со стульчиками.

Утром, в тот самый час, когда на острове Эскадо вовсю шла уборка, капитан растолкал обеими ногами своих сонных пиратов, стал подговаривать их прыгать с корабля, красться на остров, воровать близняшек.

— По воде красться? Мы плавать крадучись не умеем, — отнекивались пираты.

— А вы не плавайте. Идите пешком.

— По волнам? — удивлялись пираты.

— По дну.

— А дышать чем?

— Нечего вам дышать! Идите затаив дыхание! Чтоб не поймали.

Пираты набрали в рот побольше воздуха, пошли на дно и быстренько на цыпочках добежали до острова Эскадо. Там они выскочили из воды и, оставляя за собой лужи, незаметно подкрались к дому близняшек -двойняшек.

Обе сестрички, старшая и младшая (Тяпа была старше Тепы на семь минут), в пока еще чистеньких платьицах, уже сидели на своих стульчиках. Закрыв глаза, старательно грызли веревки. Их несчастная мать домывала пол на кухне, с ужасом думала о той минуте, когда веревки не выдержат, перегрызутся.

Пираты протопали по коридору, наделили, схватили стульчики и унесли. Вместе с близняшками.

Поджидая своих матросов с добычей, капитан Плинтус, хоть ему и было это противно, решил немножко убрать на корабле.

— Эти близняшки, — сказал капитан попугаю, — чистюли. Очень, наверно, к чистоте привыкли. Увидят наш грязный корабль — испугаются до смерти.

— Ну и пусть, — кровожадно усмехнулся Полиглот. — Пусть пугаются. До смерти. Так им и надо. Я, может, тоже чистюля в душе, а терплю.

— Ты другое дело, ты крылатый морской волк, а они девчонки. Все-таки мы не звери, не будем девчонок в чистеньких платьицах с утра грязными кораблями пугать. Лучше мы их, чистеньких, потом, вечером, утопим.

Наивный пират совершенно не знал суровой жизненной правды. Думал, что маленькие девочки, которых с утра умыли и

одеди в свежие платъица, остаются такими же чистыми до самого вечера.

Плинтус нехотя взялся за швабру, с отвращением навел на корабле чистоту и порядок.

— Ну, как? — спросил он, недовольный своей работой.

— Потрясающе! — восхитился Полиглот. — Хорошо, что я привык сморкаться только в крыло. Сморкаться на такую чистую палубу было бы непростительно.

— Я бы тебя простил! — вздохнул Плинтус. — Ну, ничего, потерпим до вечера, потом вернем наш родной беспорядок на место.

Вернувшиеся пираты шагнули на палубу, остолбенели. Не смогли узнать своего корабля.

— А ну, вытирайте ноги! — накинулся на них попугай Полиглот, ругаясь сразу на всех трех с половиной известных ему языках.

— Обо что? — испуганно спросили пираты, прижимая к груди стульчики с двойняшками.

— Об флаг.

Пираты старательно вытерли ноги, аккуратно поставили на чистую палубу оба стульчика.

Попугай взвился в небо, помчался к острову Эскадо вести переговоры. Он летел с грязным предложением разменять двух чистых девочек на кучу денег.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Куда заходят переговоры? Как действовать хитростью?
Кого слон не упустит?*

На острове Президент Синдирелла уже все узнала. Два раза. Сначала новости про похищенных близняшек ей рассказали телевизионные дикторы, а потом прибежала близняшкина мама и еще раз рассказала то же самое.

Полиглот через окно влетел в кабинет Президента, где вокруг стола заседали все Правительство мам острова Эскадо, нагло уселся на самой середине круглого стола, сделал свое грязное предложение.

Младшая помощница Президента — худенькая кошка тут же стала к нему подкрадываться.

— Уберите кошку! — потребовал попугай. — А то наши переговоры зайдут в тупик. И отдавайте подарочек.

— Хорошо! — согласилась Президент, изо всех сил удерживая за хвост свою младшую помощницу. — Мы согласны. Мы хотим получить обратно наших двойняшек, поэтому вернем ваш подарочек.

Все мамы ахнули. Кошка тоже. От удивления кошка чуть не забыла человеческий язык, но вовремя его вспомнила, перестала вырывать хвост, обернулась к Президенту, шепнула ей на ухо:

— Ты зачем согласилась? Что мы будем возвращать? Какой подарочек? Они же нам ничего не дарили!

— Наверно, дарили, — шепнула кошке Президент. — Только мы не заметили. Ты моя помощница, вот и помоги разузнать, что это был за подарок.

Мамы и Президент вышли из кабинета, оставили попугая с кошкой наедине.

— Только, чур, не подкрадываться! — сразу же сказал попугай.

— Ладно, — согласилась кошка и села на краю стола.

— Значит, отдаете подарочек? — хихикнул попугай. — Небось жалко расставаться?

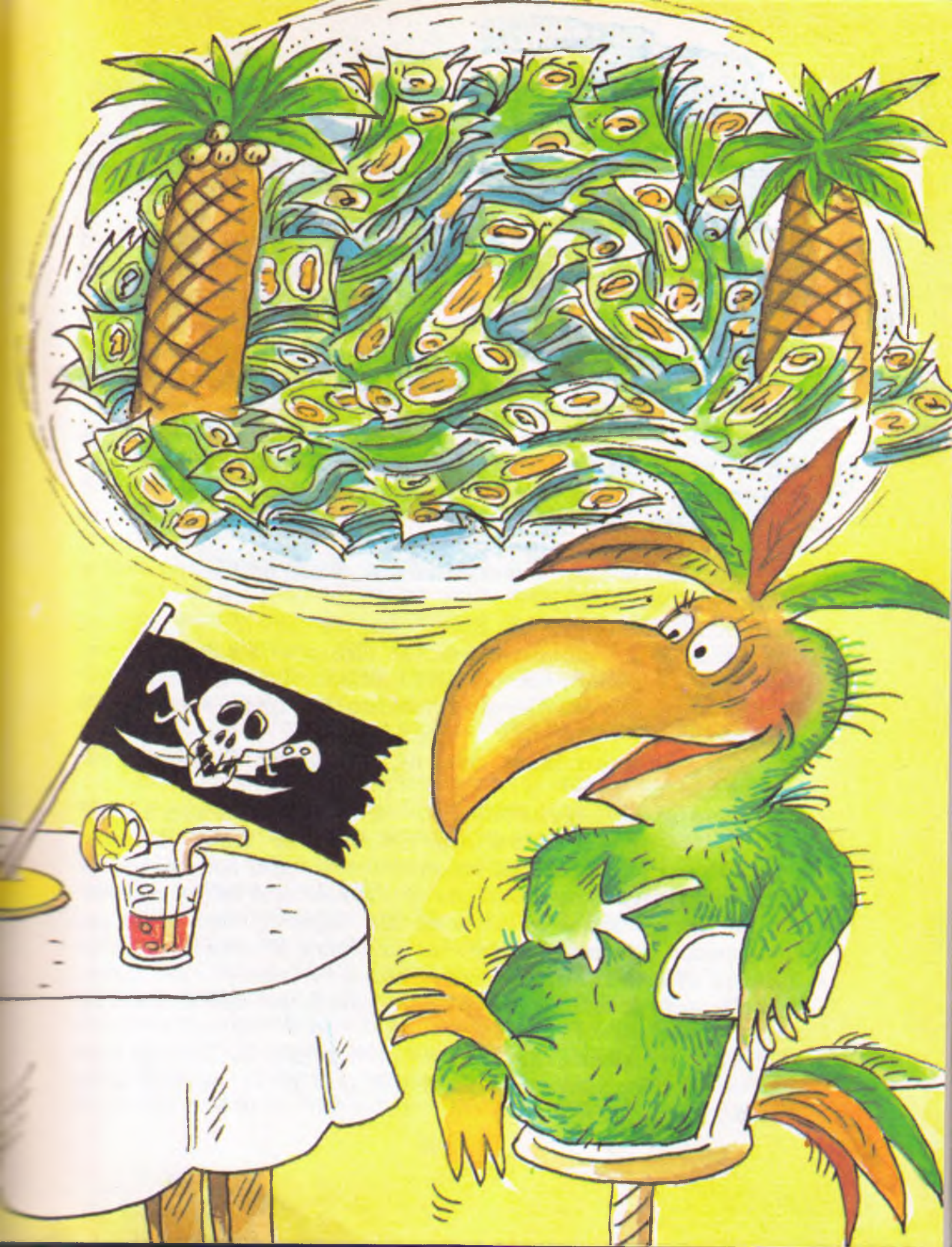
— Очень жалко! — сказала кошка. — Легко ли расстаться с такой ценной вещью!

— Ох, не легко! — кивнул попугай, с нежностью вспоминая грязные деньги. — Маленькие, серенькие и шуршат так приятно!

— Минуточку, — сказала кошка, выскочила из кабинета.

За дверью ее ждали Президент Синдирелла и все Правительство мам.

— Поняла! — крикнула кошка. — Маленькие, серенькие, шуршат. Пираты подарили нам мышей.

— Глупости! — покачала головой Синдирелла. — У нас своих мышей хватает. Прибавятся новые — сразу заметим. Нет, мышей они не дарили.

Кошка вернулась в кабинет, спросила:

— Вам как подарочек возвращать? В коробочке или без?

— Можно без, — разрешил попугай, представив себе огромную кучу денег. — Все равно она ни в какую коробочку не поместится. Очень уж большая.

— Сейчас! — сказала кошка, выскакивая из кабинета. — В коробочку не поместится. Очень большая, — зашептала она мамам и Синдирелле. — Кажется, это была слониха.

— Чепуха, — не согласилась Синдирелла. — Никакой слонихи на острове нет. Только один слон в зоопарке. Была бы слониха — уж наш-то слон ее бы не упустил. Познакомился бы.

— Надеюсь, вы их постирали, — сказал попугай, когда кошка вернулась. — Не будете грязные отдавать?

— Это были носки, — снова выскочила из кабинета кошка. — Или майки. Или наволочки.

— Кто наволочки на день рождения дарит? — удивилась Синдирелла. — Нет, так ничего не выйдет. Надо действовать хитростью. Надо прямо спросить, как называется то, что они нам подарили.

Кошка решила действовать хитростью. Вернулась в кабинет и сказала:

— Скоро мы вам отдадим... это... ну, это... как его? Ой, забыла, как называется!

— Деньги! — подсказал попугай. — Кучу наших грязных денег.

Наконец-то все выяснилось! Но легче от этого не стало. Правительство мам с трудом вспомнило, что среди прочего мусора недавно попадалась одна большая куча бумажек. И сверху действительно лежала какая-то записка. Но записка была написана кошмарным почерком, ничего не разобрать, а бумажки ужасно грязные, руками трогать противно. Мамы решили, что это просто мусор, надели резиновые перчатки, не долго думая, сунули всю кучу в иннокентьевскую Превращалку.

— Надо, — сказали мамы, — пойти посмотреть, что из этой кучи получилось. Что выскочило, то и отдадим. Пожалуйста, нам не жалко.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Как вернуть беспорядок? Что бывает в клеточку?
Где девочки не валяются? Чего лишены возмущенные
и на что они друг другу жалуются?*

На пиратском корабле все это время пираты с капитаном стояли, разглядывали притихших на стульчиках чистеньких девочек. Близняшки сидели с закрытыми глазами, еще не догадывались, что их пираты украли. Спокойно грызли веревки.

— Напрасно, — упрекнул Плинтус пиратов, — вы этих девочек к стульчикам привязали. Никуда не денутся. От нас не убежишь.

— Мы не привязывали. Они так и были. Это у них, наверно, с детства.

— С детства? — шепотом удивился Плинтус. — Зачем же они тогда веревки грызут?

— Подождем, — успокоили капитана пираты. — Догрызут — узнаем зачем.

Ждать пришлось не долго. Тяпа и Тепа догрызли веревки, открыли глаза, увидели вокруг себя наведенные Плинтусом на корабле чистоту и порядок, напали на них с двух сторон.

Пугливая чистота, как крыса, тут же бежала с пиратского корабля. Порядок некоторое время пытался держать оборону. Цепляясь за каждую доску палубы, он отступил на корму и там укрепился. Но не выдержал стремительного натиска двойняшек. Был сброшен в море.

Капитан Плинтус с восторгом следил за этой битвой. Уж в чем в чем, а в морских сражениях старый пират толк знал.

Когда, приветствуемый радостными криками матросов, родной беспорядок со всеми пожитками вернулся на пиратский корабль, Плинтус с уважением сказал:

— Да! Такие девочки на морских дорогах не валяются. Их же хоть сейчас в пираты бери! Помощниками капитана.

— Мы согласны, — залихватски плюнула на палубу Тепа и вытерла грязные ладошки о фартучек с мелкими зайчиками. — Я буду младшим помощником, а Тяпа старшим.

— Не спеши, — сказала рассудительная Тяпа сестре. Она старательно прицелилась, метнула в черные паруса горсть вытащенных из пиратского камбуза белых макаронин по-флотски. С красным кетчу-

пом. Попала и добавила: — Мы еще стрелять и пиратничать не умеем. Сперва научиться надо.

Капитан Плинтус хотел быстренько обучить близняшек грабежу и насилию, но не успел оказать на них пагубное влияние. Времени не хватило. К кораблю уже подходили лодки жителей острова Эскадо. Везли пиратам их подарок. Обратно. Чтобы поменяться на девочек.

На носу самой первой лодки, изящно скрестив лапки, стоял попугай Полиглот, переговаривался с присевшей рядышком худенькой кошкой, которая почти не облизывалась. Кошка и попугай нашли общий язык. И это не удивительно. Вместе, на двоих, они свободно владели девятью с половиной языками.

Из-за кошки выглядывала несчастная мама двойняшек, ехала за своими дочками.

— Эй! На борту! — гордо крикнул попугай. — Спускайте трап! Наш подарочек обратно приехал! Он теперь чистенький, в пачки упакованный, даже веревочками перевязанный!

Жители острова подняли на борт пиратского корабля аккуратно упакованные, перевязанные веревочками пачки.

Пиратские матросы кинулись к пачкам, развязали веревочки, развернули упаковочки...

И зарыдали.

— Что же вы плачете? — спросил своих матросов капитан.

— От счастья, — сказали матросы. — Наконец-то мы их снова увидели. Кажется, тысячу лет в руки не брали. Здравствуйте, наши родные, забытые незабвенные друзья! И зачем только мы вас когда-то покидали? Ах, какие же вы красивые! Одни в линейку, другие в клеточку.

— Вы чего? — удивился попугай Полиглот. — Где вы деньги в клеточку видели? В клеточку только небо бывает.

— Еще тетрадки, — не вытирая слез, всхлипывали пираты. — Ученические. В линейку и в клеточку.

— Что это за дрянь? Откуда взялась? — орал возмущенный Плинтус, бегая по палубе, разрывая упаковки пачек. Одну за другой.

Из каждой пачки сыпались тетрадки. В линейку и в клеточку.

Пираты бежали за своим капитаном, собирали тетрадки, крепко прижимали их к груди. Последний раз они видели тетрадки много лет назад, когда бросали школу. Теперь увидели вновь, сразу поняли, что наделали в жизни много ошибок: зря ушли в пираты, так и не закончив первый класс. Пиратам жутко захотелось снова рисовать на тетрадках в линейку кружки и палочки, а на тетрадках в клеточку разные цифры.

— Раньше мы вас рвали, — шептали пираты, ласково прижимая к себе тетради, — а теперь лучше с преступной жизнью порвем.

Они твердо решили раз и навсегда порвать с пиратским прошлым, по-настоящему взяться за ум, немедленно вернуться в родную школу. Обратно в первый класс. Чтобы там прикончить — то есть закончить — образование.

— А чистые деньги где? — хором спросили Плинтус и Полиглот.

— Видите ли, — уклончиво сказала худенькая кошка. — Ваш подарочек побывал в Помойной Превращалке. И стал тетрадками. Чистыми.

От возмущения Плинтус и Полиглот на некоторое время онемели. Лишились языка. Капитан одного, а попугай трех с половиной. Наступила полная тишина. И в тишине раздались громкие всплески. Это, прижав тетрадки к сердцу, прыгнули в воду пираты. Побежали по дну в родную школу. Сушить тетрадки. Начинать новую жизнь. Без ошибок.

— Ну вот! — огорчился Полиглот. — Не попрощались со своим капитаном. Научил ты их на свою голову по дну бегать.

— Эх! — беспомощно заголосил Плинтус. — Остались мы с тобой, Полиглотик, без денег. И совсем одни!

— А мы?! — подъехали к пожилому пирату на его собственной походной самоходной кровати младший помощник капитана Тепа и старший помощник Тяпа. — Мы тоже остаемся. С тобой.

— Я вам останусь! Сию минуту домой! — вскричала их несчастная мать и, схватив дочек под мышки, спрыгнула в лодку.

Оставшись один на один, Плинтус и Полиглот долго жаловались

друг другу на жизнь, ябедничали на несчастную судьбу, всячески поносили, обзывали, охаивали и крыли благим матом свой унылый жребий, стыдили, распекали, попрекали, песочили отворачивающуюся форту.

Когда Президент острова Эскадо Синдирелла узнала, что Плинтус остался наедине с попугаем, она вздохнула:

— Надеюсь, эта парочка больше не доставит нам хлопот, поскорей куда-нибудь денется.

Президентские надежды оказались напрасными.

Осыпав с ног до головы бранью и со всех сторон обложив ругательствами собственную горькую долю, охрипший Плинтус буркнул все еще кляузничавшему на свой жалкий удел попугаю:

— Никуда не денешься, придется мстить.

— С кого начнем? — деловито поинтересовался попугай.

— Со всех! — прохрипел Плинтус, презрительно щуря естественный глаз и кровожадно почесывая искусственную ногу. — Со всех жителей острова Эскадо.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Из чего забегают в горлышко? За чем обращаются к правительству?
Что носят бабушки? С кем сплясать приятно?*

По волнам плыла мокрая снаружи, сухая внутри бутылка. В бутылке тосковала букашка Наташка. Она только на минуточку из любопытства забежала в горлышко, но в эту минуту бутылку заткнули, кинули в море. Вместе с Наташкой в бутылке плыла сухая записка. От скуки Наташка уже сто раз прочитала эту несчастную записку, выучила наизусть и теперь, такая же несчастная, печально бродила по последней букве «Ц». Волны шлепались на бутылку, забрызгивали стекло. Наташка перепрыгнула на предпоследнюю букву «И», там тоже немножко погуляла. Потом шагнула на стоящую рядом «Р», оттуда — на «П». Гулять по буквам ей надоело. Букашка легла на «Ш» — это была первая буква последнего слова — и заснула. Ей приснились сабля и сопля. Саблей размахивал здоровенный пират, сопля висела на кончике носа другого пирата. Простуженного. Простуженный

кашлял и чихал, а здоровенный обещал Наташке кучу неприятностей, если она выдаст их пиратскую тайну.

— Какую тайну? — причитала Наташка во сне. — Нет у меня ваших тайн. Нету.

— Врешь, врешь! — шипел во сне здоровенный пират, а на его лысине подпрыгивал, дрыгал кривыми лапками, хищно щелкал клювом попугай Полиглот, владеющий тремя с половиной языками.

Букашка Наташка больше не могла смотреть такой страшный сон, изо всех сил постаралась проснуться. И у нее получилось.

Проснувшись Наташка голодная, на завтрак съела маленький кусочек записки — ничего другого в бутылке не нашла.

Шли дни. Бутылка плыла. Наташка ела записку. Каждый раз откусывала по кусочку на завтрак, обед, ужин и в один прекрасный день съела записку до конца. Этот день действительно оказался прекрасным: к вечеру бутылка стукнулась о берег острова Эскадо и разбилась. Пошатываясь, Наташка осторожно, стараясь не порезаться, выбралась из крупных осколков и впервые за долгие месяцы легла спать на твердой земле. Твердая земля Наташке не понравилась, оказалась слишком жесткой. Букашка никак не могла заснуть, крутилась, вертелась и среди ночи решила поискать что-нибудь помягче. Нашла и тут же заснула.

Ей приснился сон. К счастью, на этот раз во сне было очень темно. Букашка ничего не увидела.

Этой же ночью с другой стороны к острову Эскадо подкрался неопрятный корабль. На берег вылезли двое с лопатами. Один здоровенный, другой простуженный.

— А...пчхи! — сказал простуженный здоровенному, и оба, стучаясь лопатами, убежали в темноту.

А утром на главной улице острова Эскадо случился затор. Машины никуда не ехали. Посреди улицы двое с лопатами копали яму. Яма становилась все глубже, застрявших машин собиралось все больше, водители с пассажирами нервничали все сильнее и сильнее.

— Почему яма? — спрашивали друг друга водители и пассажиры. — Зачем яма? Да еще такая глубокая.

Милицейский в зеленой фуражке нагнулся над ямой, вежливо крикнул вниз:

— Людям ехать надо, а у вас яма. Все на работу опоздают.

— Ну и апчхи! — грубо ответили из ямы и выкинули оттуда две кучки земли.

Милицейский молниеносно присел, метнулся влево, ловко увернулся от первой кучки, потом стремительно прыгнул вправо, там хотел увильнуть от второй, но вторая кучка земли его настигла. Попала прямо в фуражку.

Милицейский спокойно стряхнул землю с фуражки, сказал все еще вежливо, но уже очень строго:

— За это придется ответить.

Водители, пассажиры выскочили из машин, сбежались к яме посмотреть, как будут отвечать копатели.

Но из ямы не ответили. Милицейский зорко посмотрел в глубину, никого не увидел. В яме было пусто. Оба копателя, простуженный и здоровенный, исчезли вместе с лопатами из ямы в неизвестном направлении.

В это же утро, рассказывая Президенту Синдирелле новости, теледикторы сообщили:

— На нашем острове посередине главной улицы выкопалась яма. Глубокая. Кто выкопал, зачем копал — неизвестно. Население волнуется, проехать не может, обращается к Правительству за разъяснениями, спрашивает, что делать.

— Взять лопату, — сказала Синдирелла, — и закопать. И не приставать к Правительству с пустяками.

Но это были не пустяки. Начинались странные события. Приближались серьезные неприятности.

Вдруг среди бела дня на центральной площади острова Эскадо заговорил огромный памятник Робинзону. Тому самому, который когда-то первый открыл остров. Медный Робинзон разговаривал сам с собой двумя голосами.

— Ну, теперь они у меня попрыгают! — сказал Робинзон сам себе.

— Ага! Попрыгают! И попляшут! — тут же согласился сам с собой памятник и звонко чихнул. Два раза.

— Будьте здоровы! Вы что-то сказали про танцы? — взволнованно спросила Робинзона белокурая бабушка, которая прогуливалась вокруг памятника свою черную таксу. В далекой юности белокурая бабушка слыла отличной плясуньей. Она бы и сейчас была не прочь сплясать, но только с хорошим партнером.

— Уноси ноги, старая перечница! — невежливо гаркнул Робинзон, и обиженная бабушка кинулась прочь, унося ноги, а заодно унося с собой на поводке возмущенную таксу Ваксу — такса как раз собралась задрать лапку возле левого медного ботинка Робинзона.

Оскорбленная такса с бабушкой поражались: такой уважаемый памятник, сам Робинзон, оказался невежливым грубияном. Но Робинзон не оказывался грубияном. Бабушке нагрубил вовсе не памятник.

Огромный медный Робинзон был пуст внутри, и в этой темной пустоте скрывались от правосудия два заядлых пирата. Здоровенный капитан Плинтус и простуженный адмирал Шприц.

ВТОРАЯ ГЛАВА

*Что едят в горькие минуты? Как разогреть сердце?
Отчего чихают нелюбимые? Кого домой не пускают?*

Теперь, чтоб рассказать, как и зачем пираты в темную пустоту всунулись, надо начать с того самого дня, когда капитан Плинтус и его попугай Полиглот решили мстить жителям острова Эскадо.

В тот же день Плинтус и Полиглот получили посылку. Вернее, посылку получил Плинтус, а попугаю в посылке передавали только один привет.

Посылка стукнулась о борт пиратского корабля, Плинтус ее выловил, увидел, что это банка с крышкой. И с этикеткой. На этикетке большими прямыми буквами написано: «Вишневый компот», ниже, корявыми маленькими: «Капитану Плинтусу от старого знакомого».

— Вот спасибо какому-то старому знакомому. Подсластил горькую минуту! — растроганно приговаривал Плинтус, откручивая крышку. — Компотик прислал. С ягодами.

— А мне, — подпрыгивал на лысине у Плинтуса Полиглот, — ягод отсыплешь?

— Не знаю, не знаю, — крутил крышку Плинтус. — Косточек дам. Поклевать.

Не найдя в банке ни ягод, ни косточек, капитан и попугай сильно огорчились. Когда нет ничего сладкого, горькие минуты еще горше на вкус. Очень противные.

В банке валялась только длинная записка:

«Плинтус, это я! Твой старый знакомый. Сажу в дальних краях, думаю. Одна повариха Дарья меня кормит. Я ей признался в любви. Не вправду, а нарочно, чтоб она со мной гулять стала. Мы гуляем на берегу. Целый час. Приплывай скорей в этот добрый час. Я с тобой

убегу. Очень мне на волю надо. Хочу жителям одного острова Эскадо немножко помстить. Чтоб на всю жизнь запомнили, черти, как чужие клады растаскивать. Вот послушай, что я им скоро сделаю!..»

Дальше в записке рассказывался план жуткой мести жителям, а в конце передавался привет Полиглоту и стояла подпись: «Адмирал Шприц».

План жуткой мести Плинтусу очень понравился. Капитан велел попугаю свистать самого себя наверх, поднимать паруса.

Неопрятный корабль вытащил из воды ржавый якорь, поплыл в далекие края выручать старого знакомого – адмирала Шприца.

Пока Плинтус спешил на выручку – путь был неблизким, – адмирал Шприц ежедневно гулял с поварихой по берегу, часто

признавался в любви. А сам только и думал, как бы скорей убежать и с ней расстаться. Навеки.

Дарья чувствовала: любовь у адмирала какая-то липовая, самодельная, недосоленная. Но у нее, как у всех поварих, было жаркое, кипучее сердце, которое, несмотря ни на что, хотело верить в любовь. И верило. Несмотря ни на что.

— Посмотри, — говорила Дарья своему пылающему сердцу. — Он же врет, разбойник!

— Не разбойник, а пират, — с жаром отвечало сердце и еще сильнее вспыхивало. — А вдруг не врет?..

— Для вас, дорогая моя, — подлизывался адмирал к поварихе, — я готов на все на свете.

— На свете он, может, и готов, — убеждала свое горячее сердце повариха, — а в темноте по-другому запоеет. Опять кого-нибудь ограбит.

— Не ограбит, — надеялось сердце. — Он больше не будет. Исправится. Давай его любить!

— Ах, батюшки! — пугалась Дарья. — Да что ж это делается? Ой, нет! — приказывала она сердцу. — Ох, не смей!

Но разве сердцу прикажешь!

Сердце поварихи стучало все громче, так и норовило совсем выскочить из груди, кинуться на шею коварному адмиралу.

Изо всех сил скрывая внутри сердечный жар, Дарья, хоть и гуляла с обманщиком по берегу, снаружи была холодна как лед. И смотрела на Шприца леденящим взором.

— Ай-я-яй! — стыло и зябло у лживого пирата все внутри. — Сейчас про мои враки догадается!

Повариха становилась с адмиралом все холодней и холодней.

В конце концов адмирал Шприц очень окоченел, покрылся пупырышками с ног до головы, посинел, продрог до костей, простыл и сильно простудился. Но тут как раз подоспели Плинтус и Полиглот.

Завидев неопрятный корабль старого знакомого, Шприц показал Дарье синий язык с пупырышками, сразу сбежал.

Сердце поварихи ахнуло. Но Дарья крепко сжала его твердой рукой, сказала:

— Вот видишь! Я же тебе говорила!

Обитатели дальних краев не стали гоняться за Шприцем, решили: «Такие нам ни к чему. Нам таких даром не надо».

Два старых знакомых, Плинтус и Шприц, наконец встретились. Их встреча прошла на низком уровне. Измученные жаждой мести, они наглотались очень крепких напитков, спели парочку пиратских народных песен, упали на палубу и оба крепко заснули. Простуженный адмирал всю ночь чихал во сне и наваливался на попугая, который вместе со старшими товарищами тоже хлебнул напитков, тоже валялся на палубе, разметаив крылышки. Тоже крепко спал.

Утром, не умывшись, не сделав зарядки, даже не почистив ни одного зуба, старые знакомые приступили к обсуждению плана жуткой мести.

— Ты читал две мои записки? — чихнул адмирал Шприц.

— Только одну, — нахмурился Плинтус.

— Очень жаль! — высморкался Шприц. — Я посылал две.

— А что написал на второй?

— То же самое. Я две одинаковые записки послал. На всякий случай. Одну в банке вишневого компота, другую в бутылке с маринованными персиками.

— Персиков в бутылке не получал! — заволновался Плинтус. — Да и компота в банке не было.

— Персики я съел. Апчхи! С компотом, — признался Шприц. — Тебе одни записки послал.

— А еще старым знакомым называется, — обиделся Плинтус. — Раз персиков нет — и говорить не о чем. Считай, что мы больше не знакомы.

Попугаю с трудом удалось помирить надувшихся Шприца и Плинтуса.

— Мстить-то надо! — убеждал Полиглот не желающих друг друга знать пиратов.

Заново познакомив адмирала с капитаном, попугай сказал:

— Если кто-то бутылку без персиков нечаянно получит... и вторую записку прочтет... Тогда кто-то сразу весь наш план жуткой мести узнает. А вдруг этот «кто-то» жителям острова наябедничает?

— Тогда, — тряхнул увесистой соплей адмирал, — мы этого «кого-то» так отделаем! Родная мама не узнает. Спросит: «Кто это такой страшненький пришел?» И домой не пустит.

ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ ВСТРЕ

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Кто зря старается? До каких мест не докапываются?
Как букашки замирают? Почему бегут к девочкам,
а прибегают к тетенькам?*

Если бы букашка Наташка сообразила, что ей, маленькой, грозит, она бы пришла в ужас. И осталась там навсегда. Но Наташка вообще плохо соображала. Например, она выучила записку адмирала наизусть, без запинки могла пересказать ее, а содержание записки так и не усвоила. Ничего не поняла.

— Какая месть? Какой остров Эскадо? Что это за попугай с приветом? При чем тут жадность? — кумекала букашка.

Только напрасно ломала свою маленькую голову.

Расставшись с разбитой бутылкой из-под персиков, Наташка полночи промучилась на твердой земле, в темноте нашла себе что-то мягкое, спокойно заснула. Букашка не знала, что попала на тот самый остров Эскадо, про который говорилось в записке. И не знала, что писатель записки вместе с читателем уже тут как тут. На острове. И уже выполняют свой мстительный план.

Первое утро на острове Эскадо застало Наташку врасплох. Она открыла глаза, увидела себя на чем-то мягком, длинном, извивающемся и, наверно, очень опасном.

— Раз, два, три! — шумело извивающееся. — Вверх, вниз, в стороны.

«Змея! — обомлела Наташка. — Это я на змее спала». И немедленно устроила скандал.

— Попробуй укуси меня! — скандалила Наташка. — Вот только попробуй укуси!

— Отстань, не хочу, — сказала то, что извивалось. — Дай зарядку сделать.

— Укуси! — не унималась Наташка. — Увидишь, что будет!

— А что будет? — заинтересовалось извивающееся и перестало извиваться.

Наташка набрала побольше воздуха, завизжала изо всех сил:

— Иииииииииииииииииииииии!

Когда все Наташкины «и» кончились, то, что перестало извиваться, сказала:

— Зря старалась. Я не змея. Не кусаюсь. Червяк я. Дождевой.

— А откуда ты знаешь, что не кусаешься? — с подозрением спросила Наташка.

Червяк растерялся:

— Да я в жизни никого не кусал. Да я...

— Это ничего не значит, — перебила Наташка. — Все в жизни когда-нибудь бывает первый раз. Дождевой, говоришь? А дождя-то нету. Что на берегу делаешь?

— Я? — смутился червяк. — Жду.

— У моря погоды? — недоверчиво усмехнулась Наташка.

— Нет, — вздохнул червяк. — Не дождя жду. Меня еще черт знает когда на рыбалку взять обещали. И все никак не берут.

— Возьмут, раз обещали, — успокоила червяка букашка. И спросила: — А как называется этот материк, на который я высадились? Европа? Азия? Африка? Надеюсь, не Антарктида?

— Это не материк, — вскользя заметил червяк, выползая из-под Наташки. — Ты высадились на небольшой участок суши, со всех сторон окруженный водой. Называется остров Эскадо.

Букашка Наташка замерла, как пораженная громом. Словно вспышка молнии осветила ее сознание.

«Мсть! Пираты! Остров Эскадо! Тринадцать ужасных золотых монет!..» Содержание страшной записки замелькало в букашкиных мозгах, и ей вдруг все стало ясно.

— Кто? Кто тут у вас главный? — взвизгнула Наташка. — Я немедленно, сейчас, сию секунду должна сообщить ему про опасность. Она грозит!

— Главный у нас Президент. К нему беги. Он крупная девочка Синдирелла. Только ты уж больно маленькая. Пока до девочки добежишь, она взрослой тетей станет. Ты до нее лет семь топать будешь, а то и все двенадцать.

— Не успеть! — ахнула Наташка, но, к счастью, ей повезло.

Как раз в этот миг к берегу подкатили на телевизионном автобусе теледикторы. Хотели измерить температуру воды в море, чтоб сообщить ее сначала Президенту, а потом всем остальным телезрителям.

Букашка Наташка вцепилась в бок автобусного колеса, быстро вращаясь, понеслась сообщать про грозящую опасность.

Автобус остановился. Придерживая передними лапками закружившуюся голову, Наташка успела перескочить на ботинок теледиктора с красивой челкой, оказалась в кабинете Синдиреллы в тот самый миг, когда крупная девочка посоветовала зарыть неизвестную яму и не приставать к Правительству. Спрыгнув с ботинка теледиктора,

Наташка два с половиной часа шла под столом, добиралась до туфельки Президента. На туфельке она посидела, перевела дух. Синдирелла была очень крупной девочкой, докричаться с ее туфельки до ушей Наташка, естественно, не могла. Букашке предстояло долгое и трудное восхождение.

Жалея, что не удалось захватить с собой никаких бутербродов, Наташка начала тяжелый подъем. Стала упорно карабкаться по ноге Президента.

— Если я не дойду, — повторяла себе Наташка, — весь остров ждет жалкая участь. Эпидемия жадности.

Тринадцать ужасных золотых монет, про которые писал в своей записке Шприц, — это про них спешила рассказать Синдирелле букашка, — были на самом деле никакие не монеты. Они были очень заразные золотые таблетки жадности. Положишь в карман — тут же заразишься жадностью, будешь болеть ею все сильнее и сильнее, пока не перезаразишь окружающих.

Когда-то очень давно эти тринадцать жадностей испек из своих золотых зубов на чародейском огне один Колдунишка. Колдунишка жил в окружении добрых людей. Добрые ему не нравились, он решил все свое окружение позаразить. Жадностью.

Но, к своему несчастью, встретил Колдунишка на жизненном пути адмирала Шприца. В те времена молодой Шприц ходил еще капитаном третьего ранга. Но был уже очень злой. Колдунишка привык встречать только добрых, поэтому и пикнуть не успел, а Шприц его уже ограбил. И выкинул за борт.

Напрасно Колдунишка долго плыл за пиратскими кораблями, шамкал беззубым ртом, кричал, что он тоже плохой, предлагал вместе делать всякие пакости, рассказывал, какие вредные монеты он испек из своих золотых зубов. Шприц про зубные монеты внимательно выслушал, но Колдунишку подбирать не стал. Любил делать пакости самостоятельно.

На Колдунишку Шприц плюнул. И забыл. А про тринадцать золотых жадностей помнил. Руками не трогал, в карман не клал. Держал в маленьком железном сундучке.

Когда дикие пираты закапывали на открытом острове Эскадо свои клады, Шприц железный сундучок зарыл в самом укромном месте, отдельно от всех и так глубоко, что ни знакомые знакомых, ни жители острова в поисках полезных ископаемых его не нашли. Не докопались.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*Что взяла пальма? От чего удирают бессовестные?
Кто растет в банках?*

Теперь то самое укромное место оказалось посреди главной улицы острова Эскадо, но это Шприца и Плинтуса не смутило.

Они вообще были люди не стеснительные. Попугая оставили сторожить корабль. Ночью выскочили на остров. Во время утренней уборки спрятались в колючих кустах. Потом отцепились от кустов, вышли на главную улицу. Дорылись до сундучка. Схватили его. Испачкали землей милицейскую фуражку. Удрали от ответственности. Прорыли из ямы подземный ход до самого Робинзона, снизу забрались в его медную пустоту.

А потом отогнали от памятника бабушку, которая думала, что Робинзон говорит сам с собой и, возможно, сейчас пригласит ее на танец.

— Знала я этого Робинзона в молодости, — жаловалась белокурая бабушка черной таксе. — Он всегда был немножко не в себе. И снаружи сам с собой разговаривал.

Такса не отвечала. Думала о другом. Смотрела, не окажется ли поблизости какой-нибудь столбик.

Засевшие в памятнике пираты собрались отомстить жителям острова. Позаражать их жадностью всех до одного. А букашка Наташка, хоть и спешила изо всех сил, еще только подходила к коленке Президента.

— Ну, давай заражать! — бухыкнул в Робинзоновой пустоте Шприц.

— Давай! — брякнул Плинтус и в темноте треснулся изнутри головой о живот Робинзона.

Робинзон тоже брякнул, загудел, как большой, усталый пароход, а капитану Плинтусу робко заглянула в голову одна сомнительная мысль. Капитан засомневался:

— Зачем жадностью заражать? Им же лучше станет! От жадности больше денег загребут! Только разбогатеют. Какая получится месть?

— Хорошая! — высморкался в темноте Шприц. — Ты уж поверь старому пирату. Не богатеют от жадности. Наоборот. Совсем как нищие станут. Жадного от нищего не отличишь. У нищего ни

копейки нет, жадный ни копейки тратить не хочет. Одинаковые. И толкается жадность здорово.

— Как толкается?

— Изо всех сил. На стыдные дела толкает... Даже мы, пираты, краснеем.

Адмирал с капитаном ловко выползли из-под памятника, огляделись. Прямо напротив Робинзона стояло скромное и стройное здание с большими буквами на крыше: «Главный банк Эскадо».

— Туда-то нам и надо, — радостно чихнул Шприц. — Сейчас быстренько наши монеточки приумножим. Чтоб на каждого жителя по две жадности пришлось. Мы в этот банк тринадцать монеток внесем, а оттуда целый мешок точно таких же вынесем.

— Ограбим? — обрадовался Плинтус.

— Деревня! — презрительно закашлялся Шприц. — Кто же теперь банки грабит! Наоборот. Туда деньги вносят. Вкладывают. И там растут. Знаешь, как вклады в банках вырастают?

— Знаю, — сказал Плинтус. — У меня тоже один раз пальма в кадке выросла. А потом взяла и засохла.

На самом деле Плинтус умел только грабить банки, а почему и как там деньги растут, не знал. Но подумал: «Зря я всю жизнь вклады в сундуках зарывал. Надо было в банках».

Пираты надеялись вместе со своим вкладом беспрепятственно проникнуть в банк. Но оказалось — стройное здание со всех сторон окружено высоким узорчатым забором. Перелезть через него не удалось. Пять раз адмирал с капитаном добирались почти до самого верха и пять раз падали. Вниз.

— Плюнь! Пошли ворота искать! — посоветовал Плинтус.

— Какой забористый банк! — с уважением плюнул Шприц, шестой раз падая с забора.

В широких воротах стоял, заложив руки за спину, знакомый милицкий в почищенной фуражке. Охранял банк.

— Узнает! — хлопнул носом Шприц, высовываясь из-за забора.

— И не пустит! — согласился Плинтус. — Давай потом, ночью придем.

Но рядом с воротами пираты увидели аккуратное объявление:

**Вклады от честного населения
принимаем с УТРА до ВЕЧЕРА.
От разбойников, пиратов, жуликов
даже НОЧЬЮ не берем.**

— А мы как раз пираты, — огорчился капитан.

— Ничего, — встряхнул железный сундучок Шприц. — Тринадцати жадностей тоже хватит.

Острову Эскадо, конечно, крупно повезло, что его Главный банк оказался таким забористым. Если бы пиратам удалось забраться в банк, приумножить свои монеты, ничто, бы не спасло жителей острова от жадности. Пропали бы все до одного.

А так надежда еще оставалась. Наташка бежала уже гораздо выше коленки.

Но пираты тоже не мешкали. Начали заражать.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Как будет лучше? Кто ошпарил покупателей? Чем гордятся предприниматели и о чем тихо грустят воспитатели детей?

Первую монету подсунули Брюку — владельцу магазина Очень Нужных Вещей. Купили игрушечную саблю, которая стоила ровно один эскадо.

Брюк опустил монету в карман, не заметил, что ему подсунули фальшивку, и сразу почувствовал в душе мелкое щекотание. Он оглядел полки с Очень Нужными Вещами. На вещах были приклеены бумажки с ценами. Брюк уставился на эти цены, моргнул:

— Какой же я наивный! Зачем так дешево вещи продаю? Надо удвоить цену в два раза. Нет, — тут же поправил себя Брюк, — не в два. В десять раз.

Брюк схватил карандаш, побежал по магазину. Возле каждой вещи на секунду задерживался, приписывал к цене один нолик.

— Как все просто, — веселился Брюк. — Пишу один маленький нолик, и сразу вещь стоит не один эскадо, а десять. В десять раз дороже. А вещь моя. Значит, я стал в десять раз богаче.

Как только Брюк закончил приписывать нолики, в магазин пришли покупатели. Маляр Ваня Гогов и хозяин чайной Чань Дзынь. Они договорились, что Ваня за двадцать эскадо покрасит чайную новой краской, а то старая совсем облупилась, и решили это дело обмыть: выпить на двоих маленькую бутылочку свекольного сока. На острове Эскадо был такой обычай: кто с кем о чем-то договорился — пьют вместе свекольный сок.

— Здравствуй, — сказали покупатели, пожимая Брюку руку. — Какой у тебя замечательный магазин, полным-полно Очень Нужных Вещей. Сейчас мы у тебя купим бутылочку свекольного сока.

— И правильно сделаете! — обрадовался Брюк. — Только подождите, я еще нолик припишу. Вот! Пожалуйста. Эта бутылочка сока стоит триста эскадо.

— Как триста? — оторопели покупатели. — Еще вчера вечером она стоила три.

— Ничего не поделаешь, цены растут, — сказал Брюк и хихикнул. — Как грибы.

— Тогда мы лучше не будем покупать такой дорогой сок, — переглянулись покупатели и выскочили из магазина как угорелые.

— Жадины! Говядины! — крикнул им вслед Брюк. — Ну и не надо. Другие купят. Еще спасибо скажут!

В душе у Брюка щекотало все сильнее. Там вовсю кипела, бурлила жадность.

«Нет, ноликов маловато», — прикинул Брюк и стал приписывать к ценам новые нолики. Один за другим. Теперь чайная ложечка в его магазине стоила сто тысяч эскадо. А телевизор — двадцать миллионов.

Покупатели, заглянувшие в магазин, выскакивали оттуда как ошпаренные. Держась за карманы, мчались по улицам кто куда.

Заразившийся жадностью Брюк напрасно думал, что его вещи стоят так дорого. На самом деле они не стоили ничего — никто не собирался их за такие деньги покупать. Брюк чувствовал, что ужасно богат, а был уже почти нищий.

У маляра Вани и Чань Дзыня не было в карманах золотых жадностей, но они пожали Брюку руку, ту самую, которой он клал зубную монету в карман, поэтому Ваня и Чань Дзынь тоже немножко заразились.

— Ванечка, — сладко улыбаясь, сказал Чань Дзынь, — за покраску чайной я заплачу тебе не двадцать эскадо, а в два раза меньше. Десять. Так будет лучше.

— Лучше будет наоборот, — широко улыбнулся Ваня Гогов. — Ты заплатишь не двадцать, а сорок. В два раза больше. А то не покрашу.

— И не крась. Пусть стоит облупленная.

Прибежав в свою облупленную чайную, Чань Дзынь стал брать с посетителей за чашку чая не три с половиной серебряных эскадушки, как раньше, а целых семь.

Эпидемия жадности на острове росла, как надувной шар. Пираты крались по улицам, подбрасывали жителям новые ужасные монеты-таблетки.

Монеты попадали в карманы деловых людей и предпринимателей, толкали их на стыдные дела. Деловые люди садились в лужу, с ног до головы пачкали репутацию и пятнали свое имя.

В карман предпринимателя по имени Ротик попали сразу две золотые жадности.

На самом деле Ротика звали Ротешуцбанлигузмайертик. Но когда его мама впервые услышала имя своего ребеночка, она испугалась, сказала: «Я буду называть его Ротик, а вы как хотите».

С тех пор все называли Ротешуцбанлигузмайертика просто Ро-

тик, но он сам мысленно всегда называл себя полным именем Ротешуцбанлигузмайертик. И гордился внутри себя.

Две золотые жадности толкнули Ротика на чрезвычайно позорное дело. Если б не жадность, предприниматель, гордящийся своим именем, никогда б не решился такое предпринять. Ротик задумал построить кошмарное предприятие — завод по производству ремней. Для пап.

Надо сказать, что никаких ремней у пап на острове Эскадо совсем не было. Папы с самого начала, еще собираясь на остров, твердо решили:

— Ремни с собой не берем, детей пороть не будем. Будем так воспитывать. Словами.

Но, конечно, со временем многие папы о таком решении пожалели. Стали с тихой грустью вспоминать свои старые ремни. И заразившийся жадностью Ротик решил этим попользоваться.

— Каждый папа, — шептал расчетливый Ротик, — купит у меня по два ремня. Чтоб не терять время на вытаскивание. Один в брюках, другим — лупи. На здоровье. А кто-нибудь купит три. Чтоб пороть двумя сразу. А третий — в брюках. Запасной.

Ротик был человек богатый. Схватил все свои деньги, быстро вложил их в строительство завода ремней. Известно: чем больше денег вкладываешь в строительство, тем быстрее оно идет. Ротик вложил столько денег, что завод ремней построился буквально за один час. От жадности Ротик не жалел денег на строительство. Надеялся заработать на ремнях в сто раз больше. Жадность щекотала его изнутри.

Завод построился. Быстро начал выпускать ремни. Ремни немедленно поступили в продажу. Стали продаваться на каждом углу. Продавцы ремней стыдились предлагать свой товар открыто, но они уже болели жадностью, не краснея, показывали ремни из-под полы, тайком шептали:

— Купите! Не пожалеете! Очень улучшает поведение мальчиков. И девочки сразу как шелковые становятся. Незаменимая в хозяйстве вещь.

И представьте себе, папы покупали. Почти все. А дети острова Эскадо спокойно возвращались из школы, если домой дневники, ни о чем таком не догадывались.

Президент Синдирелла тоже не догадывалась. Ни про ремни, ни про жадность, которая уже щекотала очень многих. Сама крупная девочка тоже чувствовала иногда щекотку. Но, к счастью, это была пока не жадность, это Наташка шла про нее сообщать.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Что уши прожужжало? Куда букашка махнула? Как грозят худыми ногами и как складывают искусственные ноги?

Наташка спешила без отдыхов и передышек. Карабкалась, не жалея сил. Преодолев ужасно крутой подъем, она вышла наконец на плечо Президента. Тут уже было недалеко и до ушей.

— Надо перевести дух, — сказала себе букашка. — Один отдых и одна передышка. Без них я не обойдусь. А потом дальше полезу.

Наташка присела на широком плече крупной девочки, вытянула свои маленькие, усталые ножки.

— Приляг на минуточку, — разрешила она себе. — Только не спи. И задремала.

А Плинтус и Шприц не дремали. Бодро бегали по острову, подсовывали монеты разным жителям. Рассовали уже почти все.

Штук пять запихали в карманы одной честной компании, которая собралась посидеть на скамеечке, обсудить свои дела.

Это была акционерная компания. Под названием ЖеЖеЖе. Компания ЖеЖеЖе играла со всеми желающими в интересную игру. Предлагала людям акции. Такие обещания на бумажках. На них написано: «Купите нашу акцию, а мы за это скоро часто будем давать вам по кучке денег. Честное слово!»

Многие жители острова верили таким обещаниям, охотно брали акции, и честной компании весело жилось. Она часто собиралась

вместе, думала: «Надо побольше бумажек с обещаниями написать. А потом каждое обещание выполнить».

И вот как раз когда вся компания сидела на скамеечке и собиралась выполнять свои обещания, пираты подкрались, напихали ей в карманы своих ужасных монет.

Честная компания тут же тяжело заболела жадностью, решила своих обещаний не выполнять.

— Давайте никому ничего не давать, — стала договариваться между собой компания.

— Правильно. Зачем отдавать? Лучше себе все кучки денег оставим.

— Шикарная мысль! Так и сделаем!

— Скажем: «Чур, мы с вами больше не играем». И под скамейку спрячемся.

Заболевшая жадностью компания ЖеЖеЖе забралась под скамейку, никому ни одной кучки денег не дала. Жители острова очень обиделись.

— Эта ЖеЖеЖе, — кричали они, — все уши нам своими обещаниями прожужжала, а теперь мы с носом остались! И жаловаться некому! Скажут: зачем сами с плохой компанией в нечестные игры играли? Все! В одиночестве гулять будем! Ни к каким компаниям близко не подойдем.

Капитан Плинтус и адмирал Шприц были уже далеко. На другом конце острова. Искали, куда бы последнюю монету пристроить.

— Сейчас тринадцатую подсунем, — гундосил Шприц, — и можно спокойно с острова удирать.

— Хорошо поместили, — соглашался Плинтус.

Оба пирата были довольны, чувствовали, что месть удалась.

А букашка Наташка тихо посапывала на плече Президента. И визжала во сне. Ей снова снился сон. Тот самый. Про саблю и соплю. Но теперь Наташка знала, про какую тайну ей сон снится. От страха она даже не заметила, что сабля у здорового пирата игрушечная. Зато хорошо разглядела его искусственную ногу. Нога была добротно сложена из крепких красных кирпичей. Если такой пихнут — закачаешься.

«Не ходи к ушам. Не встревай в чужие дела! Не выдавай тайну! Ох, пожалеешь! Мы тебя так отделаем! Будешь иметь бледный вид и худые ноги!» — хором грозились пираты.

Наташка проснулась вся в холодном поту.

«Не пойду! — решила испуганная букашка. — Не буду в чужие уши вступать. Ничего никому не скажу. У меня и так ноги худые!»

Она вскочила. С плеча махнула вниз. Назад. Побежала спасать собственные ноги.

Наверно, в какой-нибудь другой день Президент и Правительство сами бы заметили, что на острове творится неладное. По улицам, держась за карманы, носятся ошпаренные покупатели, под скамеечками веселятся плохие компании, цены растут, подпольно продаются ремни и вовсю идет эпидемия жадности.

Но в этот день Президент Синдирелла и Правительство мам почти не занимались внутренними делами Эскадо. Их отвлекли внешние события. Эти события происходили снаружи острова. Наверху. В небе.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Кого ждут под зонтиком? Чем отпугивает милиция?
Кто мамам подсказывает и чего младшим кошкам не хватает?*

К обеду солнце над островом зажмурилось. Полнѣба заволокла высокая перистая туча. Налетел ветер. Он налетел на стройное здание Главного банка Эскадо. Ушибся, закрутился по площади вокруг медного Робинзона и стал обиженно завывать.

Ветер напрасно злился на банк Эскадо. Ведь это он налетел на банк, а не банк на ветер. Каждый сам виноват, когда на что-нибудь налетает.

Скоро небо еще сильнее потемнело. Как перед грозой. Некоторые жители открыли зонтики, стали ждать, когда начнется дождь. Но вместо дождя с неба упало несколько перышек и одно яйцо. Яйцо, конечно, разбилось. Об нос аптекаря Соломона, который как раз высунул его из-под зонта — посмотреть, почему ничего не начинается.

Вслед за яйцом с неба упало письмо. Оно падало медленно, долго кружилось над крышами, но в конце концов влетело в окно президентского кабинета. Прямо в руки крупной девочке Синдирелле.

В письме было написано так:

«Дорогие жители острова Эскадо, мы, перелетные птицы, летим в жаркие страны. В отпуск. Вместе с нашими милыми крошками. Разрешите нам совершить вынужденную посадку на вашем острове и перед отпуском немного отдохнуть».

— Вот и птички! — задумчиво облизнулась младшая помощница Президента — худенькая кошка. — Как раз к обеду успели!

— Только попробуй! — кулаком погрозила помощнице крупная девочка и повернулась к Правительству, которое как раз прибежало на очередное заседание, присело вокруг стола: — К нам обратились с просьбой. Какие будут возражения?

Никаких возражений у мам не было. Наоборот, мамы кричали хором:

— Разрешаем! Конечно, разрешаем! Пусть садятся и отдыхают. Перед отпуском непременно надо хорошенько отдохнуть. Особенно когда летишь туда вместе с милыми крошками.

— Интересно, — воскликнуло несколько мам совсем маленьких мальчиков и девочек, — какие это птички? Скворцы или грачи?

— Будем надеяться, не страусы! — предположили некоторые другие мамы — у этих мам были уже большие, взрослые дети и огромный жизненный опыт.

— Наш жизненный опыт, — сказали мамы взрослых детей, — подсказывает: птичек надо накормить. Давайте побежим домой, крошим побольше хлебных крошек.

— Зачем? — удивилась худенькая кошка. — Они же со своими крошками летят.

У худенькой кошки уже было образование, но еще не было котят. Кошка не знала: когда летишь в отпуск вместе со своими милыми, прожорливыми крошками, сколько хлебных крошек ни захвати — все равно не хватит. Жизненного опыта младшей помощнице Президента все-таки еще не хватало.

Мамы разбежались по домам, крошки крошить, а Президент Синдирелла велела своей младшей помощнице высунуться в окно, дать перелетным птицам знак, что можно идти на посадку.

Худенькая кошка стала махать хвостом и лапами в окно, но птички наверху кошковых знаков не поняли, на посадку не пошли.

— Давайте помашем все! — сказала Синдирелла и тоже высунулась, тоже замахала.

Рядом с ней высунулся, замахал не отходивший от нее ни на шаг телохранитель Пэпэ.

Но все трое махали в разные стороны, и птички снова не поняли ничего.

В уголке президентского кабинета на маленьком стульчике сидела советница Президента кукла Пэпэ. Она ничем не махала, потому что не могла шевелиться — умела только смотреть добрыми пуговицами и говорить ласковые слова.

— Надо, — предложил водитель Президента Пэпэ, — показать птицам что-нибудь зеленое. Как светофор. Увидят зеленый цвет — поймут: можно спускаться.

Президент Синдирелла немедленно дала указание всем милицеским острова Эскадо в зеленых фуражках собраться вместе и стать плечом к плечу, фуражка к фуражке. Чтоб получился зеленый цвет.

Милицейские покинули свои разные посты, сбежались под окно Президента.

К счастью, это случилось уже через час после того, как милицейский в почищенной фуражке одним своим видом отпугнул Шприца и Плинтуса от ворот забористого банка. Если бы он покинул свой пост на час раньше, пираты, несмотря на объявление, внесли бы в банк свои ужасные монеты. И тогда вся эта история могла бы кончиться черт знает чем.

Милицейские в зеленых фуражках толпились под президентским окном. Но птички их не понимали. Три часа подряд милицейские то становились в кружочки, взявшись за руки, то строились по отделениям, то маршировали туда-сюда.

Птицы в небе думали, что это какие-то милицейские учения или парад. Из уважения к милиции они, несмотря на усталось, тоже решили принять участие в параде. Спустились ниже, стали выстраиваться в квадраты, треугольники, показывать фигуры высшего пилотажа.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Где искать капельки мужества?

*Что делают сумерки в полумраке, чего не делают в сумерках
продавцы и куда смотрят в это время президенты?*

От высшего пилотажа небо над островом совсем потемнело. Сгустились сумерки. И полумрак.

На острове Эскадо настали сумрачные времена. Везде бушевала эпидемия жадности, а никто даже еще не начинал с ней бороться. В полумраке подпольные продавцы ремней окончательно перестали стесняться, говорили, что лучший способ воспитания — порка, бойко предлагали свой порочный товар.

У аптекаря Соломона в полумраке кто-то украл из аптеки пачку горчичников и резиновый лечебный инструмент. В виде груши. Аптекарь ничего не заметил, в сумерках пытался стряхнуть с носа на сковородку разбившееся яйцо. Хотел приготовить яичницу.

«И съем сам! — думал Соломон. — Жене ничего не оставлю».

Жадность уже затронула и его.

А Президент острова Эскадо была занята внешними событиями. Высунулась в окно и пристально смотрела вверх.

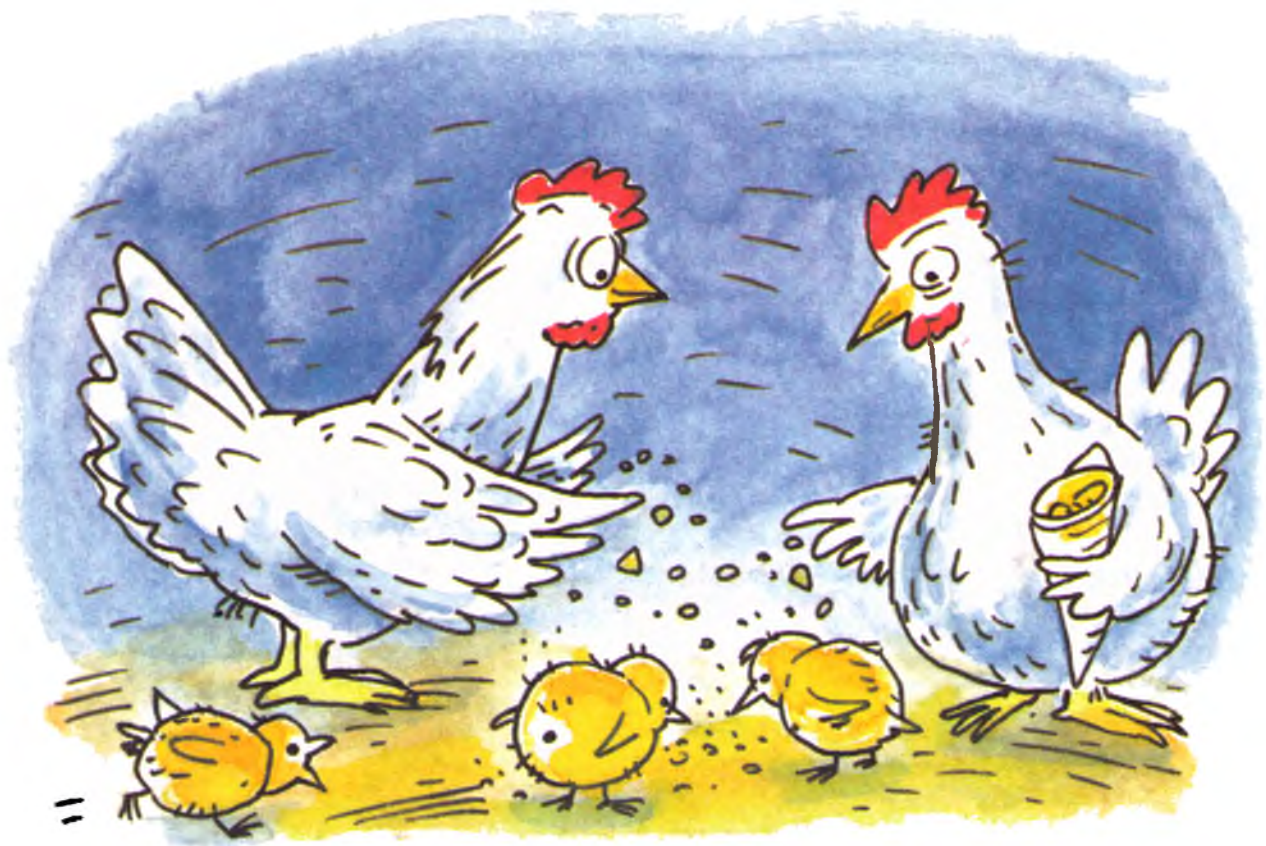
— Родная моя, — ласково посоветовала ей со своего стульчика кукла, — не трать зря силы, скомандуй милицейским построиться не в кружочки, а в буквы. Пусть станут так, чтоб получились слова: «Садитесь, пожалуйста».

Как только из зеленых фуражек построившихся в буквы милицейских сложились эти вежливые слова, с неба тут же раздались аплодисменты. Словно тысячи зрителей хлопали хорошим артистам. Но это были не зрители. Хлопали крылья. На остров Эскадо с высоты опускалась огромная стая перелетных птиц.

Навстречу уже бежало Правительство с крошками. Впереди всех мчались мамы самых маленьких мальчиков и девочек, гадали: грачи прилетели или скворцы?

Каково же было их удивление, когда на остров, шумно хлопая крыльями, сели простые курицы! Удивление было таково, что

молоденькие мамы чуть не упали, рассыпали крошки. Прямо на прилетевших вместе с курицами цыплят.

Курицы тут же принялись кормить крошками своих милых крошек. Едва оперившиеся цыплята бегали по всему острову, путались под куриными ножками, под сапогами милиции, ногами Правительства и Президента.

А половина жителей острова уже болела жадностью. И заражала ею другую половину. Заболевших еще можно было спасти, но для этого надо было начинать лечение прямо сию минуту. Жадность, как все болезни, лечится, пока не запущена. С каждой минутой спасти жителей острова становилось трудней и трудней.

Курицы ловили цыплят, пересчитывали, хлопотливо подсыпали им крошки, а в промежутках успевали благодарно кудахтать:

— Большое спасибо! За разрешение и за крошки. Вы поступили очень гостеприимно. Еще пять минут — и мы бы все попадали на ваш

остров без разрешения. С непривычки. Ведь мы, курицы, обычно не летаем.

— Как же вы решились на такой перелет? Да еще с цыплятами! — спокойно расспрашивала куриц Синдирелла, в то время когда ее родной остров почти погибал. Прямо у своего Президента на глазах.

— Сами не знаем! — отвечали курицы. — Собрались с силами, решились отдохнуть. Надо же когда-нибудь и нам в жаркие страны выбраться. Все там были: гуси, лебеди, журавли. Одни мы, наверно, уже тысячу лет отпуск не брали. Теперь летим. И цыплята с нами. Не с петухами же оставлять. Кстати, — спросили курицы, — вы не

слыхали? Говорят, в жарких странах павлины встречаются. Говорят, у них очень глазастые хвосты. Неужели правда?

— Кто говорит? Кто это сказал? — всплеснув руками, вскричала Синдирелла.

— Все говорят, — ужасно смутились перелетные курицы.

Но крупная девочка Синдирелла вскричала не им. Она вскричала букашке Наташке.

Махнув с плеча, запуганная сонными пиратами, букашка сначала долго катилась вниз. По наклонной плоскости. Потом, кувыряясь, подумала: «До чего я докатилась? Неужто собственные ноги мне дороже чем все? Конечно! — честно призналась себе букашка. — Ноги мне очень дороги. Они у меня одни. Хотя их и восемь. Но неужели, —

стыдила Наташка себя, — ты целый остров оставишь в беде? Из-за каких-то восьми ног? Неужели у тебя нет ни капельки мужества? Ни кусочка отваги?»

Наташка поискала в себе и нашла. Немножко отваги. И чуть-чуть мужества. Букашка мужественно растопырила ножки — перестала катиться. Отважно полезла вверх. И пришла в левое ухо.

— Але! Кто говорит? — снова спросила Синдирелла, хватая себя за ухо.

— Але! Але! Я говорю! Я! Букашка Наташка!

В левом ухе девочки Президента взволнованно верещал тонкий, пронзительный голосок.

— Беда! Эпидемия! — тараторила букашка и, перебивая сама себя, рассказывала все по порядку.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

*Какими бывают половины? Зачем лунят крыльями?
Во что играют в хорошей компании и где тренируются те,
кого нет в Правительстве?*

Синдирелла выслушала Наташку до конца, посмотрела, что творится на острове, немедленно приняла меры. Вызвала «скорую помощь».

Доктор примчался из больницы вместе со всеми медсестрами, выписал рецепт. Написал на бумажке красивым почерком:

«Лекарство найдем потом. Сначала надо устранить причину болезни — быстро нашарить у жителей в карманах все тринадцать заразных монет, выкинуть с острова».

— Кто будет по карманам шарить? — спросила Синдирелла, оглядываясь на милицейских.

— Может, воришек позовем? — предложила худенькая кошка.

— Воришек среди нас нет, — обиделось Правительство.

— А мы, — сказала кошка, — пригласим из Австралии. И на остров запустим.

— Почему из Австралии?

— Они там тренированные. У кенгуру карманов много.

— Нет у нас времени, — сказала Синдирелла, — воришек из Австралии запускать. Болезнь слишком запущенная. Больные не могут ждать, пока у них будут по карманам шарить. Надо действо-

вать сразу. И решительно. Я решила принять крутые меры: собрать у всех жителей сразу все деньги. А потом искать в общей куче заразные.

— Это круто! — пощупал свои мускулы Пэпэ. — Пока всех жителей обойдешь... Пока у каждого все деньги отнимешь...

— Простите, — вмешались перелетные курицы — они уже накормили цыплят. — Кажется, у вас неприятности?

— Да! — кивнула Синдирелла. — Вам придется немедленно покинуть наш остров. Остров Эскадо закрывается. На карантин.

— Но мы могли бы помочь! — сказали курицы. — Брать у жителей деньги! Обычно куры денег не клюют, но сегодня можно забыть про обычаи. Мы готовы!

Президент и Правительство с благодарностью приняли куриную услугу.

Кур было в сто раз больше, чем жителей острова. И они сидели везде. В мгновение ока на каждого жителя налетело по сотне куриц. Они выклевали из карманов все деньги, быстро сложили их столбиками перед широкими воротами Главного банка Эскадо.

Из банка медленно вышли специалисты в специальных защитных костюмах, хорошо предохраняющих от жадности, стали вынимать из столбиков настоящих монет заразные, откладывать в сторону.

— Причина эпидемии устранена! — обратилась к доктору крупная девочка Президент. — Вы нашли лекарство?

— От жадности, — сказал доктор, посоветовавшись со старшими медсестрами, — хорошо помогает разное изобилие. Когда кругом изобилие и чего-нибудь очень много, жадность проходит сама.

— Можем предложить одно круглое изобилие, — снова с готовностью вызвались помочь курицы. — Изобилие куриных яиц. Хотите?

— Не откажемся! — с восторгом выразила общее мнение худенькая кошка.

Куры начали нести яйца. Несли и несли. Через семь минут на острове Эскадо наступила игрушечная зима. Весь остров оказался на двадцать сантиметров покрыт белыми, круглыми, лечебными куриными яйцами. Изобилие было таким полным, что эпидемия жадности сразу пошла на убыль.

Первым стал выздоравливать аптекарь Соломон. Увидел в окошко сугробы куриных яиц — тут же поделился с женой яичницей. Себе взял меньшую половину.

Остальным жителям острова тоже полегчало, потому что тяжелых золотых монет в их карманах больше не было. Все облегченно вздохнули.

Владелец магазина Очень Нужных Вещей Брюк схватил резинку, кинулся стирать с цен нолики.

Предприниматели вылезли из луж, стали предпринимать попытки очистить свои репутации, просили родителей дать им новые честные имена. Незапятнанные.

Ротик вспомнил, что он все-таки как-никак Ротешуцбанлигуз-майертик, ловко перестроил завод ремней в фабрику пряников. Изменил свои взгляды на воспитание детей.

Разные компании повывлезази из-под скамеечек, стали играть с жителями в честные спортивные игры.

Маляр Ваня Гогов уже красил чайную Чань Дзыня в желтый цвет. Как договорились.

Вернувшиеся из школы дети сбежались на главную площадь острова, вытаращив глаза, глядели, как у непрокусываемых ботинок медного Робинзона растет, шевелится, сверкает узорчатой кожей громадная груда. В этой груде кишмя кишели, ужасными ужами змеились ремни. Папы, как солдаты отлупленной, сдающей оружие армии, один за другим подходили к ногам Робинзона, бросали в груду свои варварские орудия воспитания.

Крупная девочка Синдирелла успокоилась, поверила, что опас-

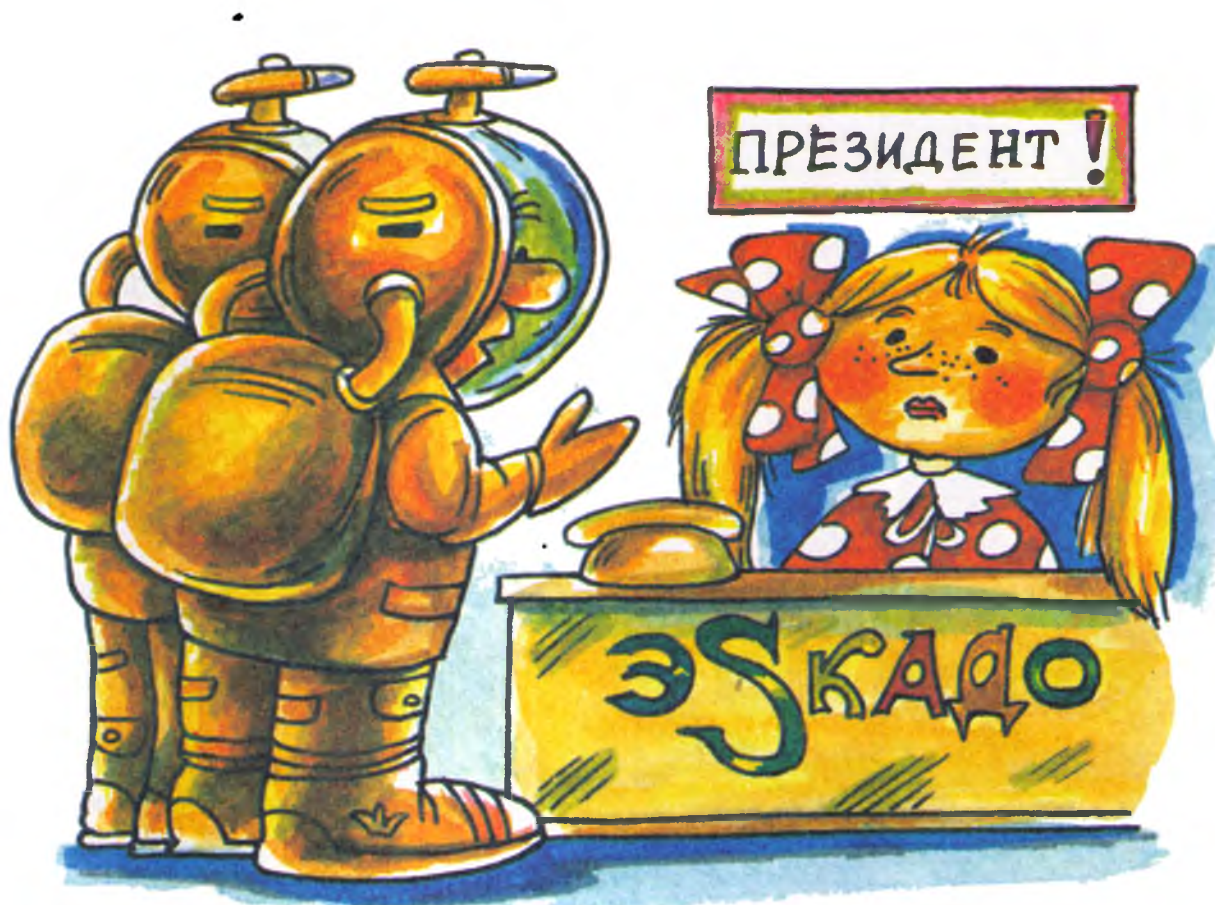
ность миновала, распорядилась наградить букашку Наташку самой большой золотой медалью — «За спасение всех».

Счастливая букашка ходила по своей награде кругами и почти не завидовала талантливому ученому Иннокентию. Ученый с мировым именем пришел с мешком — забирать обратно ордена и медали, которые по ошибке, приняв за монеты, склевали с его чистой груди курицы.

Стая перелетных куриц хорошо отдохнула перед отпуском, взмыла в небо и, передав свысока прощальный привет Правительству и Президенту, помчалась вместе со своими крошками в жаркие страны. Куры старательно лупили крыльями воздух, летели и думали про глазастые павлиньи хвосты.

И тут в кабинет Синдиреллы постучались специалисты из Главного банка Эскадо.

Они медленно вошли в своих специальных защитных костюмах,

приложили пальцы в перчатках к непробиваемым жадностью шлемам, мрачно сообщили:

— Нами обнаружено и обезврежено только двенадцать золотых жадностей. Тринадцатая не нашлась. Нигде.

— Опасность не миновала! — ахнула девочка Президент.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

*Что угадали читатели? Отчего булькают корабли?
Чем охотно делятся жадные? Где найти опору?*

Тринадцатая монета была самой ужасной. Заразней всех остальных. Когда-то Колдуниска испек ее из своего коренного, дуплистого зуба хитрости. Шприц и Плинтус долго решали, куда ее деть, кому подсунуть. Но пока Плинтус думал — бил себя кулаком по лбу и одну за другой впускал в голову разные мысли, Шприц взял и стащил из сундучка монету. Сунул к себе в карман.

Это получилось у адмирала совсем нечаянно, по привычке к воровству. Он даже сам удивился. Но было уже поздно. Шприц тут же перестал хворать простудой. Вместо нее заболел жадностью. У адмирала развилась самая опасная форма болезни: стремление все делить пополам.

Жадность — тяжелый недуг. Ею болеют по-разному. Одни не хотят делиться ничем своим, другие требуют немедленно разделить пополам все чужое.

Тяжело больной Шприц вскочил и побежал.

— Ты куда? — кинулся за ним Плинтус.

— На корабль, — откликнулся адмирал, не оглядываясь.

— Зачем?

— Делить будем!

— Что?

— Все! Якорь, канаты... И корабль тоже.

— Как делить?

— Честно. От носа до самой высокой мачты — мне, а дальше, до кормы, твоя половина.

— Так это же мой корабль! Весь! — возражал растерянный капитан, стараясь не отставать от адмирала.

Но адмирал не принимал возражений, мчался во весь дух.

Забравшись на корабль, пираты не отвечали на расспросы попу-

гая, все крепче спорили. Шприц хотел делиться прямо сейчас, а Плинтус был с ним не согласен. Никогда не хотел. Вообще не собирался. Никто друг друга переспорить не мог, и дело потихоньку дошло до драки.

— Сейчас саблей получишь! — пообещал новому старому знакомому Плинтус.

— Игрушечной? — не испугался Шприц. — Настоящая-то... тютю! Утонула! Это я сам тебе укол сделаю. Нет. Два укола! А потом еще три!

Шприц сунул руку в карман и вспомнил, что шприца там нет. В далеких краях отобрали. Зато в кармане нашлись украденные в аптеке у Соломона горчичники. И лечебный инструмент в виде груши.

— Видал! — грозно сказал Шприц, доставая эти опасные вещи. Капитан Плинтус сразу попятился. Преимущество явно было не

на его стороне. Оно предательски перешло на сторону адмирала. Рядом с капитаном остался только верный попугай. Что они могли вдвоем против вооруженного до зубов Шприца? Плинтус хотел было пихнуть адмирала искусственной ногой, да забоялся, сообразил вовремя: вдруг адмирал потребует делить и ее — капитанскую кирпичную ногу?

Отступив на корму, Плинтус и Полиглот со слезами на глазах следили, как ошалевший от жадности адмирал честно делит их собственный любимый корабль.

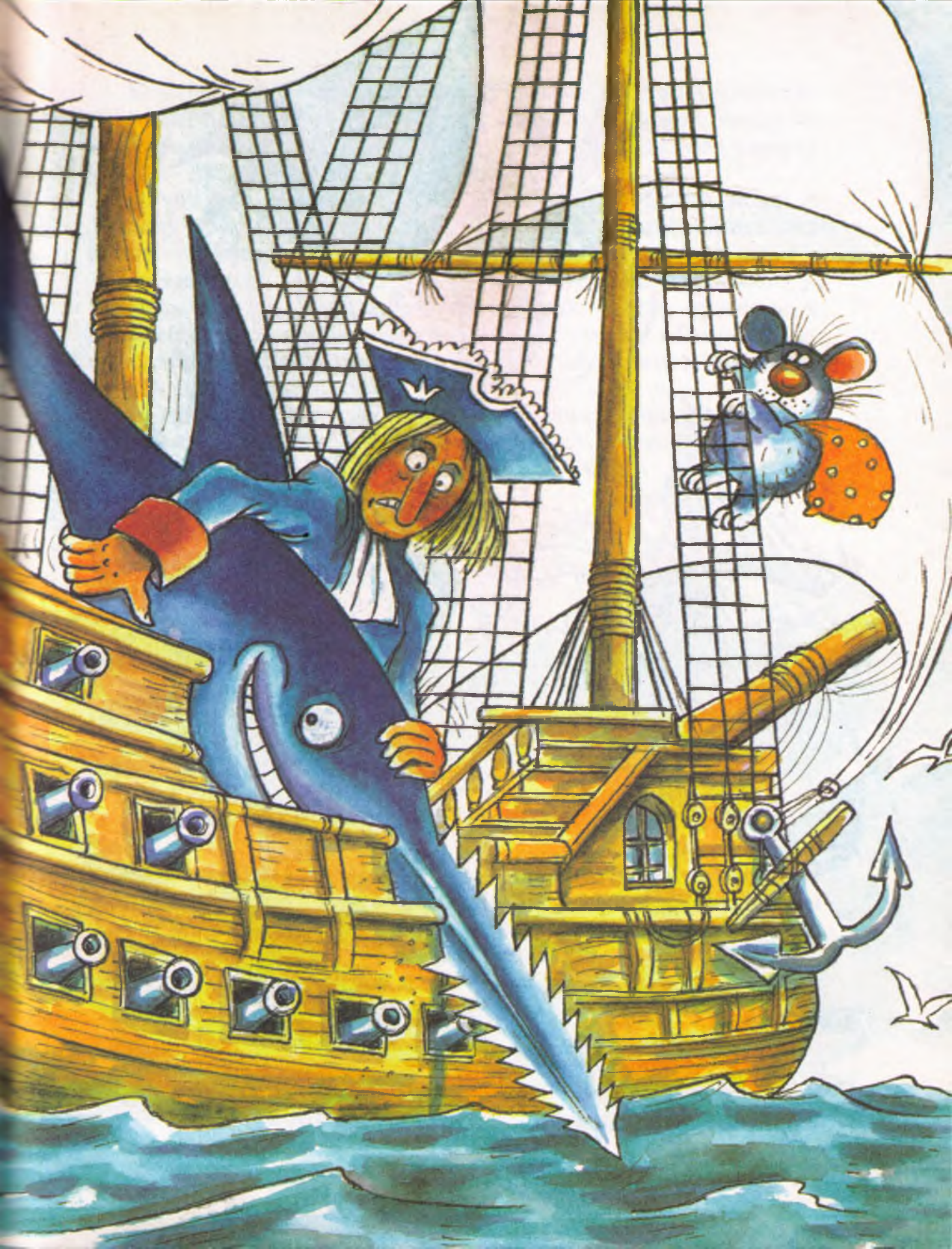
Когда Шприц закончил дележку, корабль жалобно булькнул и утонул. Несмотря на то, что его разделили честно. Пополам. Корабли никак не делятся. Тонут они от этого. Как утюги.

Корабля больше не было. Ни у кого. А капитан с адмиралом остались на плаву. И плескались рядом. Над их лысынами сиротливо кружил бездомный попугай Полиглот. Кроме трех с половиной языков, у него в жизни больше ничего не осталось.

Совершенно больной Шприц высунул из воды палец, показал на грустно реющего попугая.

— Будем делить! — крикнул Шприц, скрываясь под водой. Вынырнул и уточнил: — Попугая. Пополам.

Плентус не возражал. Он прислушивался к своей искусственной ноге. Тяжелая кирпичная нога настойчиво тянула своего капитана на дно. Недеялась найти там себе надежную опору.

Полиглот не стал дожидаться, глядеть, как его будут делить — честно или нечестно? Попугай взвился под облака, запорхал вдаль. Догонять перелетных куриц. Надеялся пристроиться к ним в стаю переводчиком.

«Птица с почти четырьмя языками, — думал про себя Полиглот, — нигде не пропадет. Как они в жарких странах будут без меня с павлинами договариваться? Их же сразу неправильно поймут».

Кирпичная нога увлекла капитана Плинтуса за собой. Они пошли на дно. Там Плинтус долго бродил среди осьминогов, тыкал их игрушечной саблей — искал свою старую, настоящую, которая утонула. Так и не нашел.

Саблю уже выудили рыбаки — закадычные друзья Женья и Джонни. Друзья взяли с собой на рыбалку наконец-то дождавшегося своего часа червяка. Он-то саблю и обнаружил.

А тяжело больной Шприц быстро плыл по морскому простору. Вольным стилем. В дальние края. Адмирал решил вернуться к поварихе Дарье. Загребая ладошками холодную воду, адмирал вспоминал горячее поварихино сердце, ее пышущие жаром супы, шипящие на сковородках котлеты.

«А какая у нее большая печка! — вспоминал Шприц. — Сколько там печется ватрушек, пончиков, пирожков, беляшей и мягких

булочек... Женюсь! — с жаром думал адмирал. — Приплыву — и сразу женюсь! А потом разделим имущество».

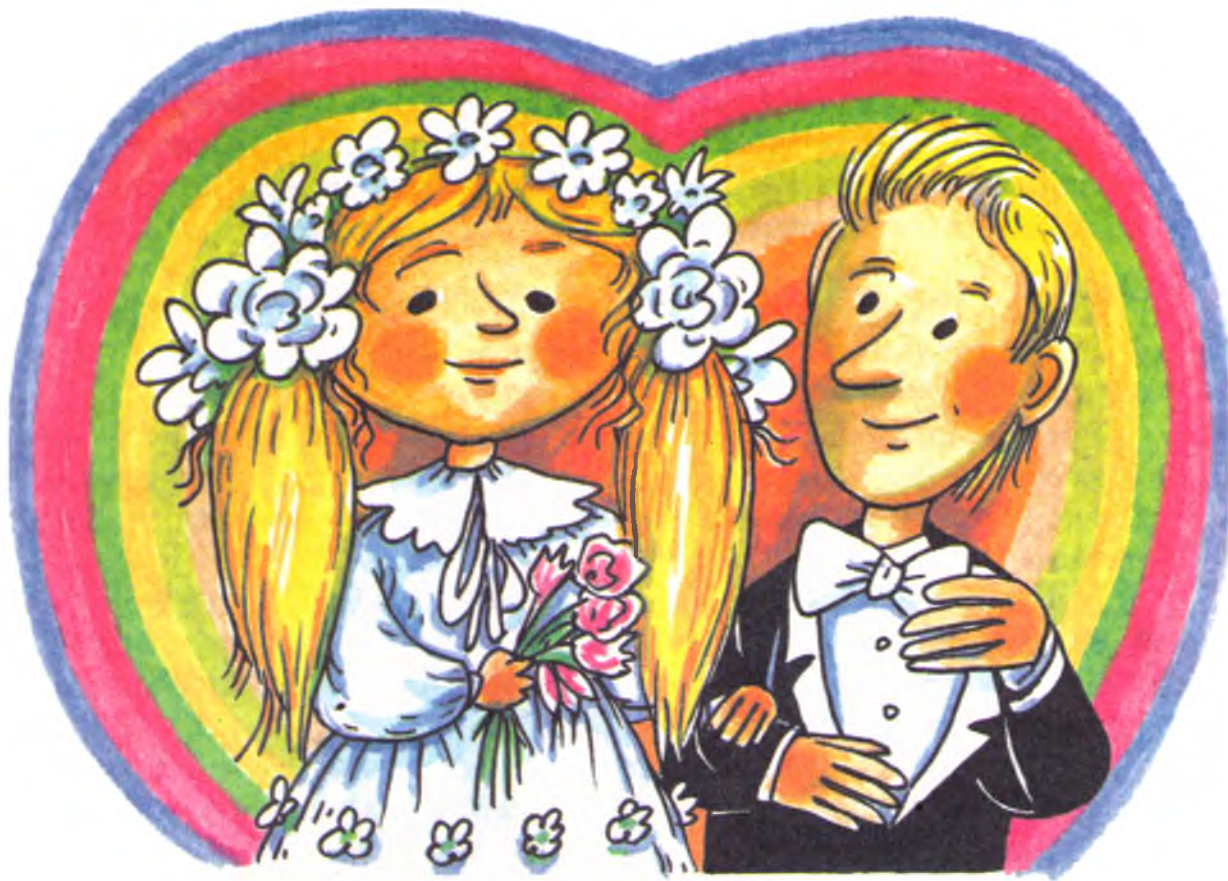
На острове Эскадо жизнь потихоньку возвращалась в свою колею. Шла осторожно, высоко поднимала пятки, чтобы яйца не потоптать.

Теперь наученные жизненным опытом худенькая кошка и крупная девочка не позволяли разным неожиданностям застать их обеих врасплох. Президент и ее младшая помощница старались заранее угадать все ближайшие события. И у них хорошо получалось. Когда по утрам теледикторы сообщали свежие новости, девочка и кошка уже все-все знали наперед. Было даже немножко неинтересно.

Кстати, читатели этой книжки сейчас тоже узнают новость, которую они давно уже угадали. Книжка кончается.

Но это ничего!

САМЫЙ КОНЕЦ

Когда-нибудь читатели откроют другую книжку и прочтут про другие события, которые случились на острове Эскадо в другие времена.

Про то, например, как крупная девочка Синдирелла окончательно выросла и вышла замуж за своего любимого телохранителя Пэпэ. Все равно он вечно торчал рядом и никуда не отходил ни на шаг.

Пэпэ и Синдирелла венчались в церкви с колоколами. Невысокий священник первый назвал их мужем и женой. Посоветовал никогда не ссориться.

На свадьбу пришли все жители острова, про которых написано в этой книжке. И новенькие жители тоже пожаловали. Младшая помощница невесты — худенькая кошка привела на свадьбу всех своих двенадцать котят. Вместе с мамой они выпили тринадцать

блюдечек молока и закусили круглым мясным тортом, украшенным разноцветными тефтелями.

Прилетел из Самой Крупной Страны Его Превосходительство ее Президент. С женой Дарьей. Во время одного из своих визитов в дальние края он повстречал прекрасную повариху, сделал ей предложение. Дарья сразу же согласилась и ни разу не пожалела об этом.

Дарья и Президент привезли в подарок Пэпэ и Синдирелле пять пачек крепкого напитка и двенадцать корзин мягких булочек. Домашних.

Ручные пиратские матросы тоже приехали. И те и другие. Одни принесли в подарок молодой семье гладильную доску, другие показали тетрадки с отличными отметками. Отличные отметки — тоже хороший подарок.

— Какая прелестная парочка! — ласково говорила про жениха и невесту волшебная тряпичная кукла. Она сидела на узких плечах хозяина кофейни Поползпополу, смотрела на своего воспитанника Пэпэ счастливыми пуговицами.

На свадьбе не было только капитана Плинтуса и адмирала Шприца. Эту парочку с промокшей навсегда репутацией никто и не приглашал.

Самым почетным гостем на свадьбе Синдиреллы и Пэпэ оказался престарелый Робинзон. Еще очень бодрый старикан все-таки выбрался на когда-то открытый им остров, и белокурая бабушка сплясала с ним два медленных и один зажигательный, шустрый танец.

Жаль, бабушкина такса последнего, шустрого танца так и не увидела. Ей как раз понадобилось на минуточку отлучиться. И она выскочила. Очень шустро.

К о н е ц

О Г Л А В Л Е Н И Е

САМОЕ НАЧАЛО 5 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Куда пойти плевать? Как закрываются острова?
Где встречаться с собственным чаем? Что зарыто на кладбище? 6*

ВТОРАЯ ГЛАВА

*На кого больно смотреть? Куда катиться надо? Почему кошки
не возражают? Кому торжествовать в одиночестве? 12*

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Зачем учительнице пуговицы? От кого девочки не отстают?
Что уносят носильщики и кому оно нужно? 18*

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*Как лучше приглядываться? В чем души не чают?
Кто интересуется кошками? Почему у них есть, а у нас нету? 22*

ПЯТАЯ ГЛАВА

*Зачем рот открывается? Куда падает оторванный взгляд?
Про кого вспоминают поздно?*

Как поступать с укушенными шоколадками? 27

ШЕСТАЯ ГЛАВА

*За кем не зря гоняются? Как наладить переполох?
Чего дождется большинство? Кто стащил надежду? 30*

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Нужна ли сдача? Где букашка гуляла?
Мимо чего проходят новости и не за это ли выводят адмиралов? 35*

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

*Зачем хорошо подумавшим чужие головы?
Как запомнить верных товарищей?
Где искать обиженных и с чем к ним подбегать? 43*

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

*Для чего президентам тапочки? Откуда молчать лучше?
За что крепко хватаются? Кто, если не он? 47*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Без чего получают безобразия? Кто любимчиком не бывает?
Что принимают по утрам и в чем запутываются по ночам Президенты? 51*

ГЛАВА ВТОРАЯ

*Почему фуражки валяются? Кто покушается с аппетитом?
Как попадают под руку? На кого близнецы не похожи? 59*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Зачем в подушке гвоздики? Почему суп стынет, а мороженое тает?
Для чего пиджаки чистят? Как соринки валятся? 64*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*Кого награды ищут? Зачем таксам электричество?
Что уронили народные массы и что затаило Правительство? 70*

ГЛАВА ПЯТАЯ

*Что хватают ни в чем не повинные? Как чистюли сморкаются?
Когда порядок дорожке? Куда зеленка льется? 76*

ГЛАВА ШЕСТАЯ

*Из чего составляют коварные планы? Как деньги гладят?
Кто в голове хихикает? Стоит ли грабить честных? 81*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

*Как проходят стычки?
Что лучше сделать, чтоб хуже не было?
Чего не защищают и почему не облизываются телохранители? 84*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

*За что ногами пинают? Где собираются с мыслями?
Почему осьминоги хохотали, а денежки плакали? 92*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

*Куда заходят переговоры? Как действовать хитростью?
Кого слон не упустит? 97*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

*Как вернуть беспорядок? Что бывает в клеточку?
Где девочки не валяются? Чего лишены возмущенные
и на что они друг другу жалуются? 101*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРВАЯ ГЛАВА

*Из чего забегают в горлышко? За чем обращаются к правительству?
Что носят бабушки? С кем сплясать приятно? 106*

ВТОРАЯ ГЛАВА

*• Что едят в горькие минуты? Как разогреть сердце?
Отчего чихают нелюбимые? Кого домой не пускают? 111*

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

*Кто зря старается? До каких мест не докпываются?
Как букашки замирают? Почему бегут к девочкам,
а прибегают к тетенькам? 118*

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

*Что взяла пальма? От чего удирают бессовестные?
Кто растет в банках? 122*

ПЯТАЯ ГЛАВА

*Как будет лучше? Кто ошпарил покупателей? Чем гордятся
предприниматели и о чем тихо грустят воспитатели детей? 125*

ШЕСТАЯ ГЛАВА

*Что уши прожужжало? Куда букашка махнула? Как грозят
худыми ногами и как складывают искусственные ноги? 130*

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

*Кого ждут под зонтиком? Чем отпугивает милиция?
Кто мамам подсказывает и чего младшим кошкам не хватает? 133*

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

*Где искать капельки мужества?
Что делают сумерки в полумраке, чего не делают в сумерках
продавцы и куда смотрят в это время президенты? 136*

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

*Какими бывают половины? Зачем лупят крыльями?
Во что играют в хорошей компании и где тренируются те,
кого нет в Правительстве? 141*

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

*Что угадали читатели? Отчего булькают корабли?
Чем охотно делятся жадные? Где найти опору? 147*

САМЫЙ КОНЕЦ 155

Литературно-художественное издание
Григорий Бенционович Остер
ОСТРОВ ЭСКАДО

Ответственный и художественный
редактор *А.Б. Сапрыгина*
Корректор *Л.А. Рогова*

ЛР №0634423 от 26.05.1994.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 7.11.94.
Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Усл.печ.л. 16,8. Усл.кр.-отт.67,2. Уч.-изд. л. 17,2.
Тираж 100 000 экз. (1-й завод 1—50 000 экз.) Заказ № 63.
С-46.

Издательство «Росмэн».
125124, Москва, а/я 62, 1-я ул. Ямского поля, 28.

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена
Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР Комитета
Российской Федерации по печати. 170040, Тверь,
проспект 50-летия Октября, 46.

О 4802020000—46 без объявл.
38Г(03)—94

ISBN 5—7519—0029—4

© Г.Б.Остер, текст, 1994
© Е. А.Милутка, иллюстрации, 1994
© «Росмэн», макет, 1994

Цветоделение выполнено
в ПКО «Картография» при участии
М.Ю.Орлова, Ю.Н.Адамченко, Е.Г.Сергеевой

СПОНСОР ИЗДАНИЯ БАНК «ЭСКАДО»

ЭСКАДО

Уважаемые господа Дети!

Банк «Эскадо» с удовольствием
принял участие
в издании этой книги
и надеется,
что она вам понравится!
Читайте на здоровье!

Председатель правления
банка «Эскадо»
Николаев А.Р.

Дядя Саша

СПОНСОР ИЗДАНИЯ БАНК «ЭСКАДО»

СПОНСОР ИЗДАНИЯ БАНК «ЭСКАДО»

